

Ирина Сабенникова

Маленькая вещица
для хранения
драгоценностей

Ирина Вячеславовна Сабенникова

Маленькая вещица

для хранения

драгоценностей (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36306117

Маленькая вещица для хранения драгоценностей: роман, рассказы:

ИПО «У Никитских ворот»; М.; 2018

ISBN 978-5-00095-520-8

Аннотация

«Маленькая вещица для хранения драгоценностей» – попытка собрать в одной книге ценные для автора воспоминания, в том числе и те, которые она не переживала. Ирина Сабенникова предлагает читателю заглянуть внутрь книги-шкатулки, где хранятся необычные трогательные рассказы, заключающие в себя пространство любви, к которому сопричастен каждый.

У читателя есть возможность не только насладиться чтением романа, но и самому, в зависимости от своего собственного внутреннего ощущения и сопереживания, определить последовательность его глав, тем самым создавая новую структуру происходящего, превращая его благодаря мастерству автора и фантазии самого читателя в затейливую головоломку – китайский костяной шар.

Содержание

Головоломка любви	5
Маленькая вещица для хранения драгоценностей	7
Точка Ферма	7
Ангел	22
Здравствуй, любимая	24
Китайский костяной шар	28
Слоистая тень Золотого Дракона	35
Благословенный Единорог	60
Фантазии среднестатистической женщины	75
Чай для двоих, или Космическая перспектива	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ирина Сабенникова

Маленькая вещица для хранения драгоценностей

© Сабенникова И. В., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

Головоломка любви

«Маленькая вещьца для хранения драгоценностей» – это замысловатое название китайской шкатулки, которую я использовала для хранения собственных бесценных для меня вещиц и диковинок, полагая, что каждому взявшему книгу в руки, будет интересно заглянуть в нее и найти там нечто и для себя. Может быть парадоксальное, что заставит задуматься, или сентиментальное и вызовет приятное воспоминание, или просто изящное, которое лаконичностью формы и плавностью своих линий доставит читателю эстетическое удовольствие.

Я назвала книгу романом не только исходя из формальных признаков, что ей присущ единый сюжет и действие одних и тех же героев. Прежде всего, на это решение меня натолкнула единая внутренняя составляющая всех собранных в шкатулке произведений, создающих то пространство любви, в котором и происходит вечно меняющееся действие. Пространство любви не материально, не статично и весьма условно – это, прежде всего, чувства, мысли, воображение. Оно текуче, переменчиво, способно принимать любые, самый неожиданные формы, обращаясь даже в свою противоположность, но при этом, не переставая быть пространством любви. В этом пространстве нет привычных для человека атрибутов, помогающих сориентироваться, нет горизонта, к

которому нужно стремиться и во многом оно само – китайский костяной шар, где каждый мир включен непостижимым образом в другой, и не возможно понять ни их формальную последовательность, ни уровень сопричастности. Поэтому и сам роман не имеет четкой линейной структуры, которая создается обычно последовательностью изложения и характеризуется жесткой фиксацией текста. Он также подвижен, как и существующее в нем пространство. И читатель в зависимости от своего видения или ощущения этого пространства может менять его структуру, создавая тем самым свой собственный китайский шар, свою головоломку любви.

Маленькая вещица для хранения драгоценностей

Точка Ферма

Человек в бесконечном пространстве своего одиночества нуждается в точке отсчета – чем-то целостном, что еще Евклид определял как «объект, не имеющий частей», для того чтобы осознать и понять самого себя в соотношении со всеми другими, и часто, не имея изначально заданной, выбирает ее сам, в соответствии со своими представлениями, и уже тогда именно от нее строит свою собственную систему координат. У каждого человека она своя, однако, соприкоснувшись друг с другом, слишком близко подходя к другому человеку, мы легко попадаем в чужую систему координат, точно так же, как включаем и его в свою собственную. Таких примеров множество, и наипростейший из них – встреча двух уже состоявшихся людей, имеющих свои семьи, детей, занятия, обязательства и вдруг понимающих, что они созданы только друг для друга, а иначе жить уже нельзя. Вот тут и наезжает одна система координат на другую, но редко они совпадают, а все больше создают своеобразное многомерное пространство, в котором даже математикам разобраться и вывести раз

и навсегда действующие законы невозможно, слишком много разнонаправленных векторов.

Задумывались ли вы, что любая точка, выбранная вами для начального отсчета, — это отдельный мир, который определяете не только вы, но который в той же самой степени определяет вас. Как тут разобраться, как понять происходящее и принять его и себя как данность, совет вам дать не могу, а попробую объяснить на простом примере. Насколько это будет понятно, судите сами.

Меня, как и вас, всегда интересовал вопрос, почему, встретившись с человеком и понимая, что эта встреча не случайна, слишком много точек соприкосновения проявлено сразу, все же так долго и трудно приходится притираться друг к другу, а до того столько набьете синяков и шишек от чужих и своих выступов и углов, столько раз пожалеете, что встретились, что мало никому не покажется. А другой, кажется, создан для вас, со всеми его плавными линиями он ложится, как пазл, в вашу жизнь, а вот пройдет немного времени — и он отходит от вас по необъяснимой причине, а вы от него. И то и другое болезненно, как болезненно должно быть прорастание и срастание двух различных деревьев в тайге, когда вдруг видишь, что береза растет буквально из корней сосны, но не разламывает ее и не разрушает, как должно было бы быть, а, напротив, скрепляет, создавая нечто неразрывно единое, имеющее одну точку роста.

Мы даже не замечаем, как много сил тратим на обиду,

прежде чем приходит понимание простой истины: Все, что ни делается, – все к лучшему. Когда тебе больно и обидно, поверить в этот постулат невозможно, но проходит время, и понимаешь: к лучшему все сложилось, не для тебя был этот человек. И хотя между вами есть определенное притяжение, судьба не допускает такого союза потому, что мы приходим в жизнь для реализации собственного «Я», а не для того, чтобы удовлетворить чей-то эгоизм.

Ей было лет девятнадцать, не больше, непосредственная, открытая миру, влюбленная во всех и каждого, точно ребенок, не знающий еще разочарований. Такие привлекают часто людей изломанных, утративших большей частью свои иллюзии, кроме той единственной, что кто-то другой поможет им подняться, вытянет их из гнилой ямы обстоятельств. Они, как тонущие, хватаются за любую соломинку. Но творческая личность, даже завязнув в болоте, ищет чистую, не замутненную горьким опытом душу, чтобы прильнуть к ней и через это спастись. Ему стыдно, он мучается сознанием вины, осознавая, что может затянуть в свою трясику невинного, но успокаивает себя тем, что никому еще не удавалось прожить жизнь и не увидеть ее, пройти по грязи и не испачкаться. И вот он выбирает своей точкой отсчета для возрождения ее, ничего не подозревающую и не готовую к таким испытаниям, и выстраивает уже от нее свою новую систему координат, стараясь крепко-накрепко привязать ее к себе.

Это несложно, довольно рассказать ей откровенно о своих

жизненных переживаниях, страданиях духа и плоти, непонимании близких, о мучениях совести по поводу втягивания ее в круговерть своей жизни и разбудить ее врожденную жертвенность, свойственную всякой женщине.

Она с радостью поверит в свою способность исцелять страждущую душу, не зная еще, что за чужое исцеление надо всегда платить своей душой, иначе не бывает. И платит. А когда-то у нее все же начинают пробуждаться сомнения: не слишком ли высока цена, да и хочет ли другой человек действительно исцеляться или же он временно нуждается в ее поддержке, чтобы сохранять устраивающий его *status quo*, чтобы не пойти совсем ко дну. Однако и быть как все он не желает.

Как же можно жить без чувственных фантазий, ведь жизнь так скучна, словно старый подгнивший дом, где окна закрыты ставнями, а внутри всегда идет дождь. Жаль, конечно, эту простушку, которая так усердно старается навести в этом доме порядок. Можно было бы показать ей и райский сад, и солнечный ветер, и вечно меняющиеся миры подсознания, но она этого не хочет или не видит, не всем дано видеть!

А жизнь вокруг меняется, и девушка становится настороженной, чувствуя, но еще не вполне понимая угрозы, нависшей над ней, она все еще идет к тому, кто просит ее о помощи, может быть, по привычке или из страха остаться один на один со своей неизвестной и пугающей этой неизвестностью

жизнью. А он все глубже и глубже включает ее в систему своих координат: знакомит с друзьями детства, погружает в чужой, непостоянный и в то же время привлекательный своей неоднозначностью мир творческих людей, которым до нее нет дела, и она может наблюдать за ними, подмечая их достоинства и недостатки, еще не зная зачем, но делает это интуитивно, из обычного женского любопытства. Потом наступает очередь знакомства с родными, и они с радостью принимают ее, тоже почему-то надеясь на ее способность исцелять души или пусть одну, всего одну душу их единственного сына, из-за которого у них самих болят их души, крепко сплетенные друг с другом.

Но опять приходят сомнения, простые женские сомнения: хватит ли сил тянуть по жизни воз чужого неверия, разочарования, слабости, когда человек не слишком усердствует в том, чтобы спасти себя самого. Но воспитанное с детства чувства ответственности за тех, кого приручили, хотя не вполне понятно, кто кого в данном случае приручил, препятствует уже возможному, пусть только теоретически возможному, разрыву. Конечно, это не потерянное время: она пробудилась от младенческого сна, ее глаза открылись, не боясь уже смотреть на мир со спокойной уверенностью, а вовсе не с прищуром, точно от яркого солнца, когда жаждешь познания, но в то же время боишься, что оно нарушит то неустойчивое равновесие, которое тебе удастся поддерживать внутри себя. И именно тогда, в последний момент перед прыжком

ком в чужую пропасть, люк захлопывается — все кончено. Человек, по-прежнему глядящий на нее печальными любящими глазами, ожидая почему-то и в этот раз понимания, сообщает, что он женился, выполняя какие-то давние никому не нужные обязательства, на своей приятельнице, которую любил десять лет назад. Все это похоже на плохую пьесу начинающего драматурга, если бы не унижение и боль, которые вполне реальны и теперь являются частью ее жизни. Но сколько бы она ни спрашивала тогда и позже, почему так, зачем, — ответить никто не мог. Что это было: предательство? Ошибка? Стечение обстоятельств? Человеческая слабость? А может быть, все вместе? Так трудно разделить на отдельные составляющие нашу природу, не стоит и пытаться: какой есть человек, такой он и есть. Но все же однажды, пусть и много позже, все становится просто и ясно: все сложилось именно так, потому что иначе было нельзя, это чужая жизнь, чужая система координат и неправильных для нее самой привязок, а надо строить свою собственную и искать свою точку отсчета. В конце концов, с ней расплатились жизненным опытом: никто не приходит в твою жизнь случайно. Трудно ли быть благодарным, когда ты обижен? Неввероятно трудно, но учись прощать. А если все же не научишься, что тогда? Тогда живи с обидой, что, конечно, счастливым не сделает, но еще хуже другое: неразрешенная ситуация возвращается, и тебе от ее разрешения не уйти — это твое испытание. Когда она вернется, неизвестно, но вернет-

ся обязательно.

Да, жизнь внесла свои коррективы: иллюзий числом побавилось, выстроена семейная система координат и найден необходимый для этого якорь – точка отсчета. Жизнь, как говорят в таких случаях, сложилась, только вот результаты не совсем те, что ожидались. Все задано правильно, просчитано, а в душе штиль такой, что хоть с борта в воду – все одно, что жизнь, что не жизнь. Движения нет, развития нет, желаний тоже нет, и ничего не надо. Возможно, это и есть причина большинства человеческих смертей: исчезли у человека желания – и жизнь, соответственно, иссякла. Кто может удержать на этой эфемерной грани «жизнь – не жизнь» человеческую душу? Ангел-хранитель, наверное, только ему под силу. И вот после изнуряющей и неизвестно откуда взявшейся болезни ты вновь вынырываешь обратно в жизнь и замечаешь, что движение какое-то все же есть, ситуация как-то сдвигается с мертвой точки. Не сразу, а медленно и постепенно, точно не доверяя еще твоей готовности принять эти изменения. Но постепенно набирает темп – и вот тебе уже не остановить потока, в который ты втянута: поездка в Париж – город мечты, всегда желанный и недоступный, а может быть, в Мюнхен или Барселону, у каждого своя мечта, рождение unplanned прежде ребенка как шанс на возрождение тебя самой – матери, женщины, личности, хлопоты, заботы. Но все еще ты балансируешь, словно на какой-то невидимой грани, все еще не имеешь однозначного выбора – жить. Ко-

нечно, долг перед семьей, детьми, родителями, все это знают, но нет чего-то важного, что должно быть твоим жизненным стержнем, – нет любви.

Как же так, спросит сторонний наблюдатель, что же это за женщина, разве она не любит своих детей, своих близких? Любит, конечно, не меньше, а возможно, и больше других, но исчезла любовь к самой жизни – возможно, к творческому началу этой жизни, а осталась все больше шелуха бытовых забот и чужих проблем. А главное – не потерять именно эту свою любовь, пусть она и не полыхает огнем, а только тлеет угольком в душе, ну так и его можно раздуть, лишь бы он не угас совсем.

Особа эта взята нами только для примера, а вам, возможно, она кажется совсем не типичной, но напрасно. Она вполне типична для женщины своих лет, разве немного более чувствительна к переменам и не умеет лгать самой себе, ну так что делать, ложь – это своего рода способность защищаться от жизненных обстоятельств, но есть те, кто остается беззащитен, если, конечно, эту очевидную беззащитность не считать наилучшей защитой.

Помните, что нерешенная ситуация, из которой вы не захотели по какой-либо причине извлечь правильный опыт, а отгородились от нее, обязательно возвращается, только ставит вас уже в более жесткие условия. Вот так и здесь, женщина, в сущности, осталась та же, пусть повзрослевшая, набравшаяся какого-то жизненного опыта, обросшая, точно мор-

ская раковина, еще более мелкими раковинками, но, увы, немногому научившаяся в плане прощения. А потому аналогичные условия были заданы для нее уже другим человеком, имеющим свою систему координат, но точки отсчета по какому-то странному стечению обстоятельств у этих двоих были определены максимально близко друг к другу.

Точки отсчета располагались близко, но системы координат были выстроены разные, у каждого свои жизни, уже во многом прожиты. Но что-то же привлекает людей друг к другу, не дает им разойтись, а заставляет искать все новые и новые возможности соприкосновения. Мы обычно не отдаем себе отчета в том, что ищем в другом человеке, ограничиваясь внешними, легко читаемыми нами характеристиками: лицо, улыбка, взгляд, фигура, жесты, характер, которые в отличие от других качеств, проявляемых постепенно, иногда в течение всей жизни, на виду для всех, открывая нам все новые и новые грани близкого человека, которого мы готовы читать без конца. Но бывает и так, что ты человека совсем не знаешь, да и не разглядел подробно, а как-то вскользь, почти мельком, но интуиция толкает тебя к нему, назойливо повторяя: твой, твой этот человек, не упusti его, он тебе нужен. Он тебя выведет из того жизненного тумана, в который ты забрел. Иди за ним. Не отставай. И ты не думаешь, чем этот человек тебе дорог, чему он тебя может научить, чем он лучше других, которые, возможно, и умнее, и талантливее его, а просто принимаешь его сердцем и скоро не столь-

ко понимаешь, сколько чувствуешь внутри себя, что это тот единственный человек, которого ты сам, не зная того, искал всю жизнь.

Но вот что странно: человек, обросший связями, знакомствами, родством, но всегда остающийся один, потому что человек всегда одинок, но не все способны это одиночество расслышать в себе и оценить, поскольку это одиночество и есть источник творчества. Так же как родник бьет из-под земли где-нибудь на лесной поляне, давая жизнь окружающей его природе, создавая всегда свой, ни с чем несравнимый, мир, но не будет бить фонтаном среди асфальта и бетона посреди городской площади, для пустого развлечения людей. Но это одиночество иногда превращается в настоящий омут, и тогда, чтобы в нем не утонуть, необходим тот, кто и сам знает, что такое одиночество, знает, когда оно благо, а когда гибель.

Если в момент такого напряжения тебе будет дана встреча, значит, будет и спасение от твоих страхов, от равнодушия, от безумия, то есть от смерти. Тогда не бывает никаких прелюдий, и приятных, и необходимых в других случаях, а подходят к тебе и говорят: спаси! Только ты. Как на это ответить, особенно когда за плечами уже есть негативный опыт, обман, непонимание, да много всего, что забыть нельзя и простить трудно. Возможно, мы наказаны своей памятью, которая волочится за нами, словно слюнявый след от улитки. Вроде как и нетуже ничего, иллюзия, только наша

собственная иллюзия, а тянет из нас живые силы и не дает нам жить в полную силу настоящим. Так мы и примеряем эту рогожку на каждого нового человека. С точки зрения здравого смысла это абсурд, только сами мы этого не замечаем. Наверное, так бы случилось и здесь, если бы не судьба. А проявилась эта судьба в том, что звучали эти двое в одной тональности и потому слышали друг друга значительно лучше, чем всех других, слышали не только и не столько слова, которые говорили друг другу, а то, о чем молчали, потому что не обо всем можно говорить. Выбора не было у обоих, и в спасении нуждались оба, а потому их взаимное притяжение было так велико, что жить в таком напряжении долго люди не могут. Они ищут какого-нибудь выхода из огненного круга, не понимая, что для них настоящая жизнь только внутри этого круга, точно у саламандры, а вовне – медленная холодная смерть. Но чтобы понять это, людям надо сначала выйти и разорвать те стальные струны, которые их спаяли воедино.

Разрыв был мучителен, но еще мучительней оказалась жизнь в одиночестве, которое становилось все глубже и глубже, уничтожая каждого из них изнутри. Хотя внешне это почти не проявлялось и жизнь шла своим чередом с какими-то небольшими радостями, разочарованиями, удачами и надеждами, только в душе становилось все суше, словно засуха наступала на прежде цветущие поля, превращая их в солончаки. И так девять лет, как в сказке, пока не вернулись они к прежнему своему состоянию, равному самоуничтоже-

нию. Могло сложиться все достаточно обычно, два живых человека превратились бы в свои собственные тени, лишённые данной им изначально глубинной сущности. Таких теней много вокруг, обернитесь и увидите, они лишь делают вид, что имеют объем, но на самом деле они совершенно плоски. Довольно взглянуть им в лицо, чтобы понять, что это так: взгляд погасший, лица стертые, мысли поверхностны, желания мертвы. Хорошо, что у этих двоих сложилось все иначе и они смогли вновь встретиться, начиная все сначала, даже более того, с той точки в общей для них двоих системе координат, которая стояла к тому моменту уже ниже нуля.

Что думали они, вновь встретившись? Что жизнь их не пощадила? Что прошедшие годы могли бы пройти совершенно иначе, умей они больше доверять самим себе и друг другу? Что, в сущности, они являются живым источником друг для друга? А может быть, о том, что эта любовь – их судьба и от нее нельзя убежать, нельзя отказаться, заменить кем-то другим, предать самих себя, поскольку единственно, кого мы в жизни можем предать, – это самих себя. Хорошо или плохо, но это даже не был роман двух вновь встретившихся людей, это была их жизнь, которую теперь они торопились прожить за все те годы поиска друг друга, бесчисленных ошибок и внутреннего одиночества. И судьба нехотя, но уступала им час за часом и день за днем, позволяя быть счастливыми и даже забыть то прошлое, которое они сами придумали, чтобы мучительно продираться сквозь него к новой встре-

че. Только теперь к ним пришло понимание, что среди всех любимых и нелюбимых, случайных и избранных, встречаемых на жизненном пути, они искали единственно друг друга, потому что в жизни много может быть любимых, но только один – желанным и его нельзя терять. Он часть тебя, часть твоей души, он есть ты.

Вот и найдена точка отсчета, и выстроена система координат, и обретено счастье понимания. А что же дальше, спросите вы. Дальше жизнь, которую нужно прожить, а значит, возможно допустить бесчисленное число миров, разворачивающихся вокруг тебя, точкой отсчета для которых являешься именно ты, но надо уметь сохранить свою уже выстроенную систему координат и не потеряться вновь в чужих мирах.

– Как тебе мой рассказ? – спросила я брата, поглубже запрятав свою всегдашнюю неуверенность.

– Понравился, – ответил он, – не думал, что на проблему можно взглянуть под таким углом.

Ответ вполне соответствовал его всегда логичному мышлению математика, оттого я и дала ему прочесть именно этот рассказ. Но мне все-таки хотелось получить более обоснованный ответ, не ошиблась ли я в произвольном изложении четких математических положений, вторгшись со своими фантазиями в сугубо научную сферу. Смешной быть совсем не хотелось, и я продолжила задавать наводящие вопросы.

– Скажи, мне удалось выразить идею рядов Фурье?

Ответом мне служил недоуменный и настороженный взгляд. Но преодолевая все нарастающую панику, я все же спросила.

– Ну а точки Ферма?

– Не знал, что тебя интересует аналитическая геометрия, – улыбнулся наконец брат. – Но могу тебя успокоить, любую функцию на конечной группе можно разложить в ряд, аналогичный ряду Фурье, по матричным элементам неприводимых представлений этой группы. Это тебе, пожалуй, удалось на прикладном уровне. То, что касается точки Ферма, то ты, конечно, помнишь, что это применимо для любой точки плоскости, сумма расстояний от которой до вершин треугольника является минимальной. Точку Ферма также иногда называют точкой Торричелли или точкой Ферма – Торричелли. Точка Ферма дает решение проблемы Штейнера для вершин треугольника.

Здесь он несколько приостановился, уловив тень ужаса на моем лице, и закончил:

– Ну, пожалуй, ты с ее помощью все же решила свои проблемы. Только вот скажи, пожалуйста: ты изобретала велосипед или же шла от уже известной теории?

Вопрос был неожиданно точен, как все в математике, но надо было на него отвечать.

– Я изобретала велосипед, – призналась я. – Хотя позже сверилась с теорией.

– Что ж ты мне сразу не рассказала о своих проблемах?

Я бы с этими типами быстро разобрался, я же твой старший брат.

В его голосе послышалась некоторая обида не столько на меня, сколько за меня.

– Подожди, – торопливо выдохнула я, стремясь предотвратить рост этой невесты откуда взявшейся обиды, – я же это все придумала, это только художественный текст, ничего не было.

– Ты уверена? – все еще с сомнением уточнил он.

Я была уверена, особенно после того, как мне удалось найти точку Ферма. Теперь хотелось только жить.

Ангел

– Здравствуй, – сказал мне весьма пожилой мужчина, крепко и совсем не по-стариковски прижимая меня к своей груди, – здравствуй. Я так долго ждал, и вот ты наконец-то пришла.

– Садись, – предложил он, усаживая меня на жесткое кресло, покрытое ковром, – садись и рассказывай.

– Что ты хочешь, может быть, вина или фруктов? Нет?

– А что ты любишь, я принесу тебе покушать.

– Я не имею пристрастий, и я не голодна, – ответила я, не вполне понимая, да и не особенно стараясь понять то, что происходит.

– Да, конечно, у тебя нет пристрастий, ведь ты ангел. Ты всегда шла по краю моей жизни, и я чувствовал твое присутствие, хотя и не видел тебя. А теперь ты здесь, – продолжал говорить мой новый знакомый.

– Я протянул руку в пустоту, ни на что не надеясь, а встретил твое твердое пожатие. Я так рад, что ты есть, особенно сейчас.

Мне стало грустно. В этом милом доме я могла бы оставаться долго, беседуя на разные темы, но только не в качестве ангела. И тут я вспомнила другой сюжет, словно переместилась во времени лет на десять-двенадцать.

– Я узнал тебя, – говорил другой мой недавний знако-

мый. – Ты ангел, ангел смерти.

Не зная, как реагировать на такое заявление, я промолчала.

– Я лежал в послеоперационной палате, – продолжал он, – весь перемотанный проводами, отходя от наркоза, и думал, что все бесполезно. Тут дверь открылась, и вошла ты, одетая во что-то белое. Я узнал тебя сразу. Сорвал провода, встал и пошел к тебе.

– Ты пришла за мной, я так долго тебя ждал.

Подоспевшие неизвестно откуда медсестры уложили меня обратно в кровать, подсоединили аппаратуру. А на мои вопросы о тебе отвечали, что никого в коридоре нет и все это посленаркотический синдром, – им все было понятно, но не мне.

– А теперь я опять встретил тебя. Я знаю, ты ангел.

– Вот странно, – думала я. – Неужели мы можем вот так пройти сквозь чужую жизнь и оставить на ней, как на фотографической пленке, засвеченное пятно своего присутствия.

Но день заканчивался, дождь перестал, и пора было уходить.

– Не уходи, – сказал мой собеседник со всей грустью, которую только может передать голос, – мы только встретились.

– Значит, у нас все впереди, – ответила я и улыбнулась.

Здравствуй, любимая

– Здравствуй, любимая!

Я узнала его голос сразу каждой клеточкой своего тела, каждым нервом, напрягшимся и отозвавшимся ломотой, словно замерзшие на морозе руки вдруг опустила в теплую воду, но они от того заболели еще сильнее. Сколько лет я не слышала этих слов – девять, десять? Примерно так. И все это время не было ни одной попытки позвонить мне.

Как мы расстались? Кажется, и не расставались вовсе, только вот встретиться не могли. Я искала повода, но все мои попытки пресекались с холодным равнодушием чужого человека, режущего ножницами лист бумаги: это ваша жизнь, делайте с ней, что хотите, это – моя, и ничего между ними. Так и жили параллельно, в одном городе, а точно в разных галактиках. Ходили на одни и те же выставки, встречались с одними и теми же людьми, но никогда не совпадали во времени. Только ли во времени? Нет, не совпадали в состоянии своей души, словно две часовые стрелки, движущиеся по циферблату с разной скоростью и теряющие друг друга из поля зрения. И только сторонний наблюдатель может знать, что наступит тот момент, когда они обязательно совпадут, ненадолго.

Какую боль я пережила, переболела, словно лишилась половины своего естества, и все это без анестезии, по живо-

му, и так день за днем девять лет. Каждый день я переводила в слова, не для того, чтобы осталась память, а чтобы ушла боль. Но она не уходила. Из слов я создавала мол, чтобы никакая штормовая волна не могла его разрушить и потревожить меня. Я сама превращалась в этот мол, окаменевший и равнодушный к внешним проявлениям, но не умеющая унять своих чувств, смирить их и успокоить свою душу. А хотела ли я смирить ее? Нет, мне хотелось кричать, и я писала. Записанные мысли и чувства – это как отсроченный диалог, который можно оживить в любой момент, даже когда собеседника уже нет.

Как же я жила? Как это можно объяснить? Словно сорвало ветром оконные рамы, и уютная, светлая, защищенная от непогоды комната превратилась в нежилую, продуваемую ветрами летнюю веранду зимой. Все выстужено, испорчено, сброшено со своих мест и разметано непогодой, и только память сердца чуть-чуть греет. И от этого тепла едва тлеет огонь, зачем – не знаю. Кого он может привлечь, кого спасти в непогоду?

Меня он спасал от тоски, от безверия, от разочарования. Мне он давал возможность оставаться собой, жить своей жизнью, своими чувствами. Пусть на бумаге, пусть рифмуя строки и пряча в них свою суть, свою страсть, чтобы каждый мог прочесть, но только один – понять. Я не затворница и люблю жизнь. Мне нравятся новые страны и новые люди, комплименты, улыбки, красивые вещи. Я женщина, и готова

быть слабой, легкомысленной, легкой.

Почему он ушел? Это несложно: привычка к устроенному быту, желание стабильности, может быть, что-то еще, ну, например, доказал жене, что тоже может... В сущности, это неважно почему. Ушел и все.

А если бы не ушел, что тогда? Готова ли я была радикально изменить свою жизнь? Нет. Хватило бы характера самой повернуться и уйти? Не уверена. Что же, он сделал это за меня, за нас двоих. Странно, обида всегда рядом, а понимание приходит последним и с такой невероятной ясностью, словно открыл прежде зажмуренные глаза, и вот он, мир, четко отпечатался на сетчатке твоего глаза, только кверху ногами. И жизнь так же.

Чему я научилась за эти годы? Наверное, многому, но главное – научилась не бояться терять. Почему? Расставания нет, люди уходят для того, чтобы остаться навсегда.

Зачем же он вернулся именно тогда, когда я переболела и стала забывать, научилась жить в этом половинчатом состоянии своей души, умело делая вид, что я как все. Зачем?! Разве я хочу вновь испытать эту боль единения и разрыва?

– Нет, мне довольно! Не хочу! – вопит все мое естество и громче всего, конечно, разум.

Весь опыт этой любви я уже получила, только вот не прожила ее до конца. Я не видела, как она постепенно и незаметно затухает, превращаясь сначала в тлеющие угли, а потом в золу, оставляя двум прежде любящим сердцам лишь

холод отчуждения.

Я не прожила своей любви, так, может быть...

– Здравствуй!

Китайский костяной шар

Много раз то на блошиных рынках, то в антикварных магазинах я натыкалась на этот странный и притягивающий мое воображение предмет – китайский костяной шар, внутри которого располагался другой, поменьше, в нем третий. Возможно, шаров бывало и больше, но уже на третьем я переставала понимать, как мастер мог это сделать. Каждый шар был покрыт тонкой резьбой, точность и изящество линий поражали, так же как и растительный орнамент, который чаще всего не повторялся. Я подолгу рассматривала эту головоломку, стараясь найти место стыковки двух половинок, предполагая, что невозможно вырезать один шар в другом, а потом и в третьем, не достав его оттуда. Все было бесполезно, швов я не находила, и приходилось признать, что человеческие возможности безграничны. Было такое странное впечатление, что костяные шары жили своей собственной жизнью, умножая свою сущность, подобно космическим мирам или вселенным, а человек, со своими амбициями, здесь был лишь орудием. Действительно, под силу ли нам создавать свои миры?!

В любой стране, где бы я ни натыкалась на костяной шар, даже в Китае, я всякий раз спрашивала продавца: – Как это возможно – создать один шар внутри другого?

Никто мне не мог объяснить, но все отвечали примерно

одинаково: это очень сложная работа старых мастеров, нынешним это не под силу, да и зачем. Мир стал конкретней и проще, можно отлить две половинки из пластика, а потом незаметно склеить, и все будет выглядеть точно так же.

– Да, – соглашалась я нехотя, – точно так же, но без тайны, без своей непостижимой сущности, лишенное всякого смысла, – просто погремушка для малышей!

– Ну, знаете, – отвечали мне обычно, – если вам так дорога тайна, так покупайте этот шар и ломайте свою голову, он оттого и стоит дорого, что старинный.

Купить я не могла, или, точнее сказать, не решалась: денег свободных никогда не было, а отдать все за непонятно для чего приобретенную вещь я не хотела. Но вновь и вновь натыкалась на костяной шар, то где-нибудь в Уругвае или Мексике, непонятно, как туда попавший, то в Москве или Париже, даже в Марракеше, где от своих местных диковинок ломит голову и не знаешь, куда бросить взгляд, чтобы не купить что-нибудь, и там мне на глаза попался все тот же костяной шар. Похоже, что мы искали друг друга, только оставалось понять зачем. Но все когда-нибудь разрешается, только решение приходит не с той стороны, откуда его можно ожидать. Слишком это просто.

Ссора произошла внезапно, что называется, на пустом месте. Не было причин и даже повода для такого взрыва отрицательных эмоций. Дозвониться было невозможно, а если и получалось, то такой шквал девственной, нерастраченной

ненависти обрушивался на меня, что ни говорить, не объяснить что-либо было невозможно. Оставалось только поймать такси и мчаться к месту прежде обусловленной встречи, надеясь, что обстоятельства сработают на меня и я успею. Конечно, будь на его месте кто-то другой, пусть даже близкий человек, я бы повесила трубку и предоставила времени самому решать эту не запланированную мной проблему, но в данном случае допустить этого было нельзя. Было странное и даже необъяснимое ощущение, словно часть меня самой восстала против меня же и требовала немедленного подтверждения, что я, несмотря ни на что, по-прежнему одно целое. Так что выбора не было, нельзя же жить напополам. Вот таким странным образом я вступила на путь постижения замысловатой китайской головоломки, через головоломку собственной судьбы и постижения своего внутреннего «Я».

Я уверена, что в вашей жизни были ситуации, повторяющие друг друга и происходящие, если это, конечно, проанализировать, через какие-то соизмеримые отрезки времени. Ситуации эти во многом тождественные, отличаются всегда друг от друга большей сложностью и необходимостью затратить больше сил на их разрешение. Схожи они, помимо самой ситуации, в их кажущейся неразрешимости и одновременно – в понимании неизбежности их решения. Уже в первый раз вы пугаетесь и отступаете, стремясь уйти от проблемы, не понимая ее до конца, а может быть, и с самого начала, с чего бы вдруг вам на голову свалилось это, неожиданно-нега-

данно. Большинство уходит: в кусты, в будни, в привычную суету, отмахивается, зажмушивается или, как страус, сует голову в песок, ожидая, когда само рассосется. Мы все таковы, а значит, такова природа человека.

Ситуация постепенно сглаживается и забывается, остается лишь небольшая тень в подсознании, что не так все просто. Проходит энное количество времени, и вы оказываетесь в аналогичной ситуации, только уже осложненной, и уйти намного сложнее. Поверьте, вам сильно повезет, если не станете отступать, а постараетесь разобраться, но эта решительность дана не многим. И опять, человеческая память легко забывает неприятное. Через примерно тот же отрезок времени, почти в том же самом месте или аналогичном, перед вами возникнет уже сильно окрепшая от своей нерешаемости и неразрешимости знакомая вам до боли в зубах и совершенно неожиданно – новая ситуация, требуя от вас все того же – решения. Вы думаете, все соглашаются и решают? Во-все нет, кто-то предпочитает впасть в беспамятство, старческое слабоумие, а кто-то – просто умереть. Даже это, кажется, легче, но... Если предположить, что индусы правы и каждой человеческой душе предстоит 85 миллионов перерождений, то нерешенная проблема никуда не денется, она придет к вам вновь, так что решать придется, и чем раньше, тем проще, без дополнительных осложнений. Я понимаю, что никого этим не убедить, да и не имею такой цели, но, возможно, кто-то и задумается.

Подобных совпадений в жизни, наверное, много, но мы не замечаем, живем часто на автомате, и, только когда ситуация оказывается неординарной, да еще и повторяющейся, только тогда можем задуматься почему. Хотелось бы мне иметь ответ на этот вопрос, но его нет в готовом виде, должно быть, надо выстрадать свое решение.

Вот, например, живешь ты своей жизнью, зла никому не желаешь, добро совершаешь по возможности и тут посреди бела дня встречаешь человека. На другого, той же комплекции, схожей внешности, образования и т. д., ты внимания не обратила бы, прошла мимо, а встреча с этим – вроде разряда молнии, которая ударила тебе под ноги: убить не убила, а потрясла такой возможностью до основания. Что делать? Ну ясное дело: бежать, спастись, лучше не оглядываясь. В памяти осадок неудовлетворенности и неприятный привкус трусости, но имя этой молнии помнишь. Через энное количество лет в том же самом или аналогичном месте встречаешь того же человека. За это время вы оба еще больше обросли каждый своими проблемами, отчего все становится много сложнее в разрешении. Но теперь тебе дано видеть, что это твой человек, значимый для тебя и для всей твоей жизни. Что ты делаешь? Шаг навстречу, но продолжаешь думать: этого не может быть, так не бывает в нашей жизни. Слишком много эмоций и нерешаемо. Вместо того чтобы забыть все и наслаждаться данным, пить его, как подсолнух пьет солнце, поворачивая свое соцветие вслед за ним,

ты предаешься сомнениям, размышлениям и анализу. Нет? Пусть первым бросит камень тот, кто поступал иначе. Все так, вполне понятно. Но человек, этот единственный для тебя человек, он уходит. Дальше, конечно, ты ощущаешь пустоту и достигаешь такой глубины раскаяния, что едва оттуда поднимаешься на поверхность. Жива или нет, сказать трудно, но, скорее всего, жива, и именно потому, что попыталась решить, не ушла от своей проблемы. Жизнь восстанавливается, заботы отвлекают, и живешь почти по инерции: есть радости, горести, какие-то победы, но нет главного. Что ж, так много людей живут вокруг без рук и ног, а у тебя утрачено нечто не материальное, а весьма эфемерное – твоё счастье. Жить можно, сказал бы любой доктор, но потихоньку, не перенапрягаясь. Вот так, в соответствии с предписанием, и живешь, стараясь выбросить из памяти все, что только может напоминать о нереализованных возможностях. И призываешь не парить в облаках, а делать, что можешь, с уверенностью, что будет то, что будет.

И опять завершается какой-то невидимый круг времени, и ты оказываешься в аналогичной ситуации, но уже с другим жизненным багажом, а с ним уже не спрячешься, нужно отвечать. И вот ты встречаешься лицом к лицу со своей судьбой и принимаешь такой, какая есть, хотя и не понимаешь, почему так. Тебе кажется, что эти встречи и расставания длятся уже не одну тысячу лет, словно вы две планеты, движущиеся по своим орбитам навстречу друг другу и в

какой-то момент обязательно встречающиеся, только вот зачем, непонятно. И удержать нельзя, и расстаться невозможно. Находясь в таком состоянии психического и эмоционального напряжения, ты вдруг, как бы без всяких видимых к тому причин, понимаешь, что тебя как самостоятельной, независимой личности нет. Ты – выдумка, фантазия этого человека. И твои проблемы, маленькие и большие, решаемые и неразрешимые – тоже его выдумка. Даже более того, он придумал не только тебя, но образ самого себя в твоём воображении. Вот это действительно Мастер. Тут-то ты и вспоминаешь костяной шар. Вот оно что, это же и есть твоя жизнь. И без всяких хитростей и подтасовок одна фантазия замечательно входит в другую. Я была внутри него, его неотъемлемой частью, и в то же самое время он был моей фантазией и находился внутри меня, и ничего было нельзя сделать, потому что, как теперь стало до очевидности ясно, мы были одним.

Может быть, вам кажется это странным или неинтересным? Однако выдумала же я вас – читателя, читающего этот рассказ. А вы, еще прежде, выдумали меня – писателя, который, в сущности, и не писатель вовсе, а такой же, как вы, человек, и оттого читать становится еще интересней, ну как же иначе посмотреть на себя со стороны, да еще чужими глазами, а при этом самому все это придумать. Вот вам и головоломка, созданная нами самими, в которой мы давно потеряли самих себя.

Слоистая тень Золотого Дракона

Они совпали – две туманности, две фальшивые планеты, определяющие наше забытое прошлое, которое теперь грозило стать нашим будущим, надвигаясь на нас, как гроза, – отовсюду одновременно и захватывая врасплох даже того, кто зряч и видит эти низкие грозовые тучи, заволакивающие горизонт, а мы были слепы. И неизбежное случилось. Золотой Дракон, рассеченный надвое, но все равно бессмертный, расстилая вокруг свою слоистую мерцающую тень, поглощающую пространство и уничтожающую время, вышел из тени своего беспамятства и заявил на нас свои права. Так завершился один этап жизни и начался другой. Но прошлое не ушло, напротив, оно стало даже рельефней, точно выхваченное из небытия беспамятства и предъявляемое к оплате теперь. Что сделали мы не так, чем заслужили эту общую для нас двоих негативную карму? Никто не скажет. Ясно одно: нам не избежать друг друга, и придется вдвоем нести одну ношу, но от этого она не станет вдвое легче. Наши Лилит, наши Черные Луны совпали градус в градус, и ни одна из них не отступит и не покорится другой, мы будем бороться всегда и никогда не победим.

Время совпало, Золотой Дракон угадал в женщине Венеру и, ни минуты не колеблясь, двинулся навстречу. Как это могло случиться, зачем? Демоны живут по своим законам,

и им дела нет до того, что хочет человек, они определяют его жизнь и его смерть. Если он по стечению неведомых нашему сознанию обстоятельств вытянул вот такой звездный билет, остается только смириться, но именно смириться так невыносимо трудно, особенно если Ваша Лилит в созвездии Льва, а потому горда, своевольна и хочет повелевать во всем, но, увы, не может. Это всегдашнее несовпадение желаний и возможностей, жажда славы, даже заслуженной, и неспособность принять ее, вот уже очевидную, ведет к саморазрушению. Сколько раз мы уничтожали самих себя, прежде чем достигли этого неустойчивого равновесия, когда уже можешь обойтись без невольного насилия над другими, в желании отстоять свое собственное «Я» и уже видишь, несмотря на изощренную изобретательность окружающих, под масками истинные лица лжепророков и все реже и реже ошибаешься. И только эта давняя и сопровождающая тебя из одного воплощения в другое любовь бережет тебя от беды и дает силы, пусть и в нескончаемой борьбе двух ваших непримиримых и одновременно нерасторжимых миров. Двадцать четыре лунные стоянки проходит Луна в своем годовом движении по зодиакальному кругу, но замирает в период вашего рождения только в одной, чтобы на целую человеческую жизнь определить ваш характер, ваши пристрастия, ваше восприятие мира, потому что Луна – это ваше подсознание, и оно, как невидимая нить, связует вас с вашими прежними воплощениями, определившими и обусловившими ва-

ше сегодня. Луна для человека – самая главная планета, это его психика, его самосознание. Однако и Солнце обязательно скажет свое веское слово необходимой самореализации. Солнце, Луна и Асцендент – три самых важных показателя в натальной карте, определяющих личность и формы ее проявления. Они редко сходятся в одном знаке, хотя такие случаи бывают. Солнечно-лунный гороскоп – это своего рода генотип личности, данный человеку при рождении, тогда как Асцендент говорит о наборе свойств, приобретаемых человеком более или менее сознательно в течение жизни. Это выражение той самой свободы воли, которую каждый может проявить, если не станет предоставлять судьбе самой принимать за него решения. Но и значением других планет нельзя пренебрегать, особенно таких, как Венера и Марс.

Ее Венера находилась в накшатре Ашлеша в момент рождения. Ашлеша – кольцо из шести звезд в созвездии Гидры, имеет демоническое влияние, она дает власть над людьми, ее взгляду немногие смогут противостоять, когда же она начинает играть, то забывает о реальности и все вокруг превращает в сумасшедшую игру, как в «Сказках тысячи и одной ночи»: чего прикажешь, господин, разрушить город или уничтожить караван? Она не созидатель, она разрушитель. Но, смягченная влиянием Венеры, успокаивается и перестает быть кровожадной, оставляя за собой лишь право творить и в этом творческом порыве разрушать самого созидателя, истощая и изматывая его в постоянной борьбе с самим со-

бой и окружающими. Она хорошо видит мужчин и реагирует на них как амазонка, коварно или равнодушно превращая в своих покорных слуг. Но если на ее пути встретится достойный противник, вот тогда проснется дремлющий вулкан и никому не покажется мало огня.

Так было и теперь: когда надо было бежать, спастись, укрыться как можно дальше, Венера заставила ее шагнуть навстречу Золотому Дракону, то ли бросая ему вызов, то ли надеясь парализовать его своим взглядом, но ни того ни другого не получилось, дракон отразил ее взгляд. Мужчина, посланный им, сам родился под теми же звездами и предчувствовал этих странных, бесконечно одиноких женщин, которые живут в ожидании одного-единственного, не замечая других, бросающих к их ногам свои миры и ненавидящих их лишь за то, что их жертвы остались незамеченными. Золотой Дракон всегда знал, что единственный – это он, и не торопился, заранее уверенный в своей победе. Да, теперь он смотрел на нее глазами мужчины, эстета, поэта, жадного до ощущений, отнимающего аромат даже у цветка, что уж говорить о женщине, на которую он смотрел глазами Золотого Дракона, полностью находясь во власти его слоистой мерцающей тени. Все же капля ее яда попала ему в глаза, и этого было довольно, чтобы он на время ослеп, видя и теперь уже страстно желая только ее – женщину звездного кольца Ашлеша. Сказка? Конечно сказка, но такая сказка определяет нашу судьбу.

Молодая симпатичная женщина, каких, впрочем, много в каждом городе, проснулась ранним апрельским утром оттого, что солнце коснулось ее век, теплым лучом бесцеремонно скользнуло по лицу и устроилось в щелке между сомкнутых губ, запечатлев на них свой первый весенний поцелуй. Надо было вставать, бессмысленно тратить время на пустые, пусть и приятные, мечтания, сон уже не вернется, а сделать можно многое, если заставить себя немедленно встать. Она не была беспомощным или слабым существом, хотя выглядела со стороны именно такой, без стержня, и это ее вполне устраивало. Зачем окружающим знать, какая ты на самом деле, им, этим людям, нет ни до кого дела, они заняты собой, и, даже когда глядят тебе в глаза, кажется, что смотрят внутрь себя самих, найдя свое отражение в твоих зрачках. Что ж, имеют право быть такими, ей до них дела нет. Жаль только, что и близкие люди порой становятся такими – отчужденными, эгоистично капризными, забывая, что другая жизнь – такая же ценность, как и их собственная, и ничего не может быть в этом мире без взаимной любви.

Ее внутренний мир был определен ее Луной, расположившейся в двенадцатом доме натальной карты в созвездии Весов. Все говорило о том, что женщина была излишне застенчива и замкнута в себе, доверяя скорее своей интуиции, чем жизненному опыту, приобретение которого она к тому же избегала. Точно раковина-жемчужница, она старалась поплотнее сомкнуть свои створки, не допуская в свой мир нико-

го постороннего. Не потому, что была скупа, а потому, что очень дорожила этим созданным именно ей миром своих фантазий, во многом заменяющим ей реальность, и боялась его разрушить. Но ее Луна расположилась на лунной стоянке под названием Свати, представленной звездой Арктур, которая дает людям, рожденным под этой накшатрой, внутреннюю неутомимость, наделяет их желанием приключений, так что, несмотря на застенчивость, их постоянно обуревают необъяснимое желание перемен, которому они подолгу сопротивляются, но в какой-то момент не выдерживают и, подобно незадачливому Синдбаду, пускаются в опасные и далекие путешествия, в поисках недостающей им частицы самих себя. Скорпион, который восходит на восточном горизонте в момент ее рождения, находился во владениях божественной звезды, означающей женскую энергию Вселенной, что от рождения уже определяло ее служение духовному началу, что она, тем не менее, всячески скрывала от других, потому что не знала, в чем миссия ее жизни, для чего она пришла в этот мир. Хотя с самого детства она чувствовала свою несхожесть с окружающими, но научилась скрывать ее, маскируя то под инфантилизм, то под кокетство и легкомыслие. Собственно, звезды не дают нам большого пространства для маневров. Восходящий знак Скорпиона показывал те качества, которые человеку надо приобрести самому, путем самовоспитания, и она научилась, будучи человеком мягким и часто уступая другим, тем не менее, не отклоняться от сво-

ей, выбранной именно ею линии жизни и не препятствовать реализации жизненных планов других людей. Она дорожила своей свободой и независимостью как непреложной ценностью и никому бы не позволила ее ограничить. Именно поэтому она так осторожно выбирала себе мужа, ища в нем прежде всего друга и союзника, готового уважать ее интересы, так же как она будет уважать его. Но всего предусмотреть нельзя, и, выиграв в одном, обязательно проиграешь в другом.

Любовь. Казалось, это чувство будет в ней жить вечно. Но ведь так и есть, она любит, любит весь мир. Звучит фальшиво, однако это именно так, весь мир, но как бы хотелось, чтобы этот мир был в одном-единственном человеке. Она не ханжа, хотя, как наследница классических традиций русской интеллигенции, склонна к самокопанию и самоистязанию, увы, тоже. Но именно любовь оказалась для нее под запретом.

– Все будет хорошо! – эту фразу она старалась говорить себе всегда, особенно когда появлялись сомнения. А они появлялись часто даже без видимых причин, что лишь подтверждало то, что причины таились где-то в более глубоких сферах и от них просто так не отмахнешься, они все равно выйдут на поверхность.

– Ладно, – еще раз попробовала успокоить себя женщина. – Будут бить – будем плакать.

И стала просматривать свои записи: сегодня в институте

состоится конференция, и она собиралась на ней выступить. Конечно, никакой острой необходимости в этом выступлении не было: она в отпуске по уходу за ребенком и может пребывать в этом состоянии аж три года. Только если выпасть на три года из научного процесса, то вряд ли потом в него уже вернешься. Поэтому, недолго поколебавшись, она согласилась выступить.

Проглядев текст доклада, женщина, удовлетворенная его внутренней логикой, отложила бумаги в сторону и пошла посмотреть, спит ли еще ребенок. Дочь уже проснулась, но не плакала и никак не выдавала себя, с любопытством разглядывая движущиеся по краю детской кровати солнечные тени, создаваемые колышущимися ветвями деревьев. Увидев свою маму, девочка улыбнулась, как улыбаются только маленькие дети – всем лицом сразу, когда удивительно прозрачные, еще не приобретшие своего индивидуального оттенка, серо-синие их глаза вдруг наполняются внутренним светом и становятся лучистыми. Глаза ребенка – это отнюдь не вырост мозга, как любят говорить медики, это именно зеркало их еще не ограниченной никакими жизненными условностями души.

– Да, теперь, когда родился второй ребенок, думать о решительных переменах в жизни поздно, двоих одной ей не поднять, – размышляла женщина, ведя свой обычный внутренний диалог с самой собой. – Жизнь сложилась, и ничто эту отлитую в монолит форму поколебать уже не может. Зна-

чит, нужно жить именно так, не строя фантастических планов, добиваясь реальных успехов и всегда идя вперед, не останавливаясь. На конференцию нужно к двум, значит, еще много времени.

Ее Солнце располагалось в созвездии Льва в десятом доме, и самореализация для нее значила очень много. В сущности, она никогда не была склонна к тому, чтобы замкнуться в рамках домашнего быта, ограничив свои жизненные интересы только воспитанием детей и заботой о муже. Хотя и дети, и муж значили в ее жизни очень много. Женщина не столько знала, сколько чувствовала, что брак в ее жизни во многом является определяющим фактором. И это было так, потому что положение ее Солнца определяло возможность ее жизненного процветания посредством брака или союза и лишь в таком случае делает их привлекательными, щедрыми, талантливыми и наделяет хорошей интуицией.

В институте было непривычно оживленно, пришло много народа, и создавалось впечатление активной научной деятельности, но все это была суэта. На пленарном заседании говорили общие вещи о важности и нужности, о востребованности, о незаменимости и непреходящей ценности, но было сухо в мыслях и скучно. Мужчина, сидя во втором ряду актового зала, согласно кивал головой, делая это чисто механически, почти не слушая говорящих. Потом ради интереса стал перелистывать программку с докладами и именами выступающих, в надежде найти что-нибудь стоящее для се-

бя или неординарное в смысле постановки вопроса. Сколь-
зя взглядом сверху вниз страницы, он невольно запнулся на
незнакомом имени, вернулся и еще раз перечел фамилию.
Определенно она не была ему знакома, более того, он был
уверен, что женщину эту он никогда не видел, и все же серд-
це екнуло.

– Странно, – подумал мужчина, – я уже не мальчик, что-
бы так доверять интуиции, да и зачем мне все это, уже пять-
десят с хвостом, возраст солидный. Состояние комфортного
покоя все больше и больше кажется привлекательным, а мо-
жет быть, это лень?

Что это был за человек, можно было определить, взгля-
нув на его натальную карту. Самой сильной планетой его го-
роскопа была Луна, находящаяся под воздействием созвездия
Вороны, что определяло его высокий творческий интел-
лект и ораторские способности. Можно было не сомневаться
в том, что человек психологически весьма проницателен,
но его решения всегда окрашены силой его воображения в
большей степени, чем разума. Для него мысли были подобны
вещам и имели материальную значимость, а потому, подчи-
няя свое воображение собственной воле, он мог вообража-
емое переводить в разряд реального – редкая способность,
но он был поэт. Человек этот обладал большим запасом пси-
хической энергии и, хотя был способен на сильные чувства,
управлял ими, всегда переводя в конструктивную форму, то
есть в творчество, и за счет этого был практически непотоп-

ляем. Он легко мог отказаться от того, что уже имел, в смысле семьи, и все начать заново, самому себе назначив новую точку отсчета. Он старался избегать банальностей во всем, в том числе и в чувствах, и искал необычных переживаний. Его натуре была свойственна даже некоторая паранормальность в восприятии окружающих его людей, чему, впрочем, он никогда не уделял особого внимания, считая совершенно ненужным. Однако интуиции своей доверял, а потому и в этот раз решил проверить, не подвела ли она его. К тому же ему было на редкость скучно сегодня.

Первое пленарное заседание закончилось, и была пауза, которая теперь получила неожиданное американизированное название, похожее на отрывистый лай собаки, – кофе-брейк, воздействующее на человека как приказ к действию: покинуть зал в поисках чашки кофе. Тягучее и расслабляющее типично русское слово «пе-ре-рыв», отдаленно напоминающее другую команду – «во-о-ольно», уже почти не использовалось на официальных мероприятиях. Именно на кофе-брейке люди обмениваются краткими деловыми фразами: позвоню, встретимся, пришлю, напишу... Пристроить этому телеграфному стилю общения определение кулуарных разговоров никак не получается, да и обстановка не располагает: растворимый кофе слишком горяч, обжигает губы и пальцы сквозь тонкий ободок пластикового стаканчика, печенье крошится на рубашку – говорить долго в такой ситуации неудобно и опасно для здоровья. Оставив, нако-

нец, бессмысленную попытку выпить кофе, мужчина обвел взглядом комнату, чтобы еще раз убедиться в своих сформировавшихся ощущениях: лица давно знакомые и поднадоевшие. Конечно, он принадлежал к той категории людей, которые легко знакомятся и заводят дружбу с кем угодно, при этом никогда не вовлекаются в отношения с людьми слишком глубоко, стараясь сохранить свою независимость.

Перерыв закончился, гостей конференции попросили пройти в зал. Мужчина не торопился, успеется еще насидеться, и он с интересом поглядел в окно. За двойными и все еще по-зимнему мутными стеклами угадывалась весна.

– А может быть, – подумал он, но тут его окликнула давняя знакомая, приглашая продолжить прерванную прежде и уже практически забытую им беседу, и они пошли в зал, чтобы сесть рядом и обсудить некоторые важные для них вопросы.

Людей в зале было довольно много, ушли только официальные лица, для которых конференция не носила характер научного мероприятия, но появились новые, пришедшие именно теперь и сэкономившие свое время на посещении пленарной части. Солнце уже проникло в зал, и он перестал казаться таким унылым, как утром. Солнечные лучи бесцеремонно выхватывали из общей массы чьи-то лица и невольно привлекали к ним внимание, оживляя их и делая более привлекательными, словно источающими свой собственный внутренний свет. Люди определенно повеселели после даже

небольшого перерыва. Мужчина посмотрел в зал, невольно останавливаясь взглядом лишь на лицах, освещенных солнцем, и заметил ее.

Женщина пришла во время перерыва и сразу прошла в зал, выбрав себе место так, чтобы можно было после выступления незаметно уйти, не беспокоя других. Дома с мамой осталась ее пятимесячная дочка, и это не располагало к длительному пребыванию в институте. Утром она никак не могла решить, что же лучше надеть, и, перемерив несколько вариантов, выбрала платье, которое выражало скорее ее теперешнее настроение, чем подходило к случаю. Длинное светлое-бежевое платье из плотного трикотажа с высокой талией, поверх которого одевался того же цвета облегающий кардиган, во всем повторяющий силуэт самого платья, придавая одежде необходимый элемент недосказанности. Платье отнюдь не было деловым, напоминая своими простыми, слишком длинными линиями другие платья эпохи итальянского Возрождения, что не казалось старомодным, а, напротив, соответствовало ее внешности, которую друзья находили достойной кисти Боттичелли, – не столько красивой, сколько светлой. Но главное – это было настроение.

Теперь женщина старалась максимально сосредоточиться на тексте доклада и подчеркивала карандашом те места, на которых нужно было акцентировать внимание слушателей. По сторонам она особенно не смотрела: только если кто-то из коллег здоровался, она приветливо отвечала. Неожиданно

данно для самой себя женщина почувствовала непонятное томление, появившееся у нее внутри, еще едва уловимое, но определенно растущее. Оторвавшись от текста, она подняла глаза и заметила мужчину, только что вошедшего в конференц-зал, и скорее угадала, чем увидела, близорукость порой очень неудобна, что он с интересом ее изучает, словно археолог, наткнувшийся в провинциальном краеведческом музее на редкий артефакт.

– Какая бестактность, – возмутилась про себя женщина и вернулась к своему занятию – подчеркиванию текста доклада.

Заседание началось, люди выступали достаточно бойко, подгоняемые, возможно, чудесной погодой, зовущей из открытого теперь окна побыстрее все закончить. Доклады были вполне информативны, и время заседания двигалось к концу, когда объявили ее выступление. Кое-как справившись с врожденной робостью, женщина начала говорить и постепенно вошла в необходимый ритм, увлекшись своей темой. На людей в зале она старалась не смотреть, выбрав из всей их массы одно лицо, к которому и обращалась, – старый прием выступающих со сцены позволял не волноваться. Однако невесть откуда взявшаяся тревога не проходила, а, напротив, росла, точно кто-то хотел взломать ее внутреннее «Я» и вторгнуться в святая святых – ее мысли и чувства, куда она никого и никогда не допускала. Ощущение опасности было совершенно явно, и, закончив выступление, она обвела

глазами зал. Взгляд ее скользил по знакомым и незнакомым лицам, пока не наткнулся на того, кого она недавно видела в дверях, и тут сверкнула молния.

Неизвестно, видел ли кто эту молнию со стороны или окружающие приняли ее за солнечный блик, который выстреливает по комнате, когда кто-то в доме напротив резко открывает или закрывает окно. Но эти двое ощутили электрический разряд, и все интуитивно поняли: им не разойтись. Мгновенный электрический разряд подействовал неожиданно – в женщине проснулось спящее до сей поры демоническое звездное кольцо Гидры, которая метнула в незнакомца свой разящий взгляд. Мужчина, положение Солнца которого делало главной мотивацией в его жизни реализацию собственных желаний, легко улыбнулся, но в его оставшимися серьезными глазах и в улыбке проступила, точно второе тело пламени, которое всегда бывает рыжим в отличие от первого – желтого, неожиданная даже для него самого страсть. Ее взгляд был пойман и оценен – это было то, чего ему не хватало для завершения целостной картины. Теперь все сложилось. Он был убежден, это была Она, трудно определяемая, вечно ускользающая. Он искал ее во всех, кого встречал, а видел только раз в музее Ключи на старинных гобеленах, носящих название «Дама с Единорогом». Едва проступающие черты ее спокойного лица, строгие и изящные средневековые одежды, лишь подчеркивающие фигуру почти еще девочки. И вот здесь, где уж никак нельзя было

ожидать, он встретил ее во плоти, в таком же, как на старинных гобеленах, платье, юную и светлую. Он был готов сражаться за нее даже с самим собой, точнее, именно с самим собой, поскольку всех остальных для него просто не существовало. Таков был мужчина, чьими глазами смотрел теперь Золотой Дракон.

Магнетическую привлекательность этой женщины и ее не разбуженную еще чувственность Золотой Дракон, а вслед за ним и мужчина, почувствовал сразу, так же как и энергию опасности, который посылал ее взгляд, застывая в его собственном, точно два потока лавы сливались в одном, кипящем пока никому непонятными страстями.

Воспользовавшись паузой, в какой-то момент наступившей в зале, женщина незаметно вышла, но на пару минут заглянула к начальству проститься. Здесь-то и произошла следующая роковая заминка, которые порой, как бы исподволь, случайно, определяют нашу судьбу. Они встретились в дверях кабинета, отступать было некуда. Обычная церемония знакомства – называние своих собственных имен и фамилий, хотя каждый понимает, что это совсем не те имена, под которыми они знали друг друга прежде, должностей и научных занятий – все это было лишь внешней оболочкой, внутри которой уже шла борьба, целью которой был не выигрыш, а проигрыш. Но сдаться нужно было победившему, такого быть не могло, значит, и борьба была безрезультатной. Взгляд Золотого Дракона жег, одолевая преграды, вы-

ставленные Горгоной, круша и ломая все на своем пути, он рвался к истине – ее сакральному «Я», закрытому и запертому на семь замков: воспитания, привычки, условностей, ситуации, представлений о порядке вещей, самообмана, страха. Тень дракона накрыла ее всю и теперь рябила и переливалась, создавая ощущение эфемерного тепла и счастья. Ничему нельзя было верить. Пойдя на обычное женское лукавство, которое, как правило, выручает в сложных ситуациях, женщина опустила глаза, чтобы дракон не мог видеть горящего в них огня, она согласилась встретиться с ним в другой раз, с тем чтобы обсудить некоторые научные проблемы. Не ожидая больше ни минуты и стараясь не задеть его звенящей и режущей в кровь любую женскую душу чешуи, амбициозного мужского достоинства, она выскользнула из комнаты с намерением навсегда раствориться в мегаполисе.

На следующее утро женщина проснулась рано, солнце едва-едва поднималось над горизонтом, пронизывая своим золотым светом все живущее на земле, делая каждый предмет своего рода негативом, тенью на ярком фоне весеннего утра. Даже сквозь свою утреннюю дремоту она чувствовала взгляд дракона. И понимала, что теперь всегда будет жить в его слоистой тени, никогда не имея возможности выйти из нее. Даже если он отвернется и уйдет. Оставив ее умирать в одиночестве и неверии, даже тогда его живая тень будет душить ее, не давая вырваться из своего круга, обрета иное счастье. Жертвы дракона не живут своей жизнью. Состоя-

ние неустойчивого равновесия, в котором ее душа пребывала тридцать четыре года, закончилось. Разбуженные драконом, ее звезды забирали покой и, подменив его беспричинными страхами и меланхолией, накрыли своей тенью робкое женское сознание, сводя его в переменчивое, подвижное эмоциональное состояние, создавая иллюзию постоянной неуверенности и нестабильности. Хотя очевидных причин для этого не было, фактически ничего в жизни не переменилось, но женщина острее прежнего стала ощущать свое психологическое одиночество. Это была игра звезд – навязать человеку иллюзии, отдалить от реальности восприятия, подчинить себе. Но взамен они дарили то, чего нет у многих счастливых людей, – писательские способности, поэтичность натуры, ученость, даже возвращали часть утраченного прежде вне всяких времен – интуицию. Так много и так мало, взамен обычного человеческого счастья. Но откуда знать далеким звездам, что такое человеческое счастье.

Люди быстро привыкают даже к необычному, а если в качестве компенсации ты получаешь поэтический взгляд на мир, то и вовсе забываешь, как это – жить иначе и дышать в каком-то другом ритме. Так что жизнь достаточно скоро вошла в свою новую колею и покатила по ней так же, как и по старой дороге, набирая опыта и сноровки, но по-прежнему не имея четко выраженной цели, а лишь манящий своей неизвестностью горизонт.

Исполнение долга звезды поставило на первый план, под-

няв из глубины души, женщины самое важное – древний инстинкт материнства, и заслонило им от всепроницающего взгляда Золотого Дракона, а он уступил, смиряясь и понимая, что здесь он бессилен. Это был язык самой природы, да и как может быть иначе, когда у тебя двое маленьких детей, нуждающихся в твоей помощи и защите, не столько даже в физической, сколько в психологической – в ощущении твоей поддержки и одобрения их действий. Такова сущность всякой матери – предпочитать благополучие своих детей даже своей женской чувственности, притупляя ее повседневными заботами о благе семьи. Но слишком обильны дары звезд и не всякой женщине под силу. Точно в дремлющем вулкане, кипит и клокочет подавленная на время психическая и сексуальная энергия и ищет выхода, но ни банальными скандалами, ни случайными интрижками в декамероновском стиле ее не утолишь, ей надо истинного, подлинного чувства. И дочь Евы, точно Венера третьего тысячелетия до нашей эры, с неолитической стойкостью ждет этого чувства, даже не понимая того, что она и есть истинная женщина, хранительница забытых другими женских тайн. А те немногие, которые чувствуют в ней эту непреходящую женскую силу, не смеют предложить ей свое участие, заранее зная, что будут отвергнуты.

Молодость отличается от других лет прежде всего обилием предоставляемых возможностей для самореализации и страстным желанием ими воспользоваться. Поэтому когда

представился случай поехать для работы в другую страну, им немедленно воспользовались, надеясь не только посмотреть мир, но и пополнить запас своих знаний. И вновь шевельнулся Золотой Дракон при одном упоминании о загранице и напомнил о себе словно бы случайно, чужим звонком и заманчивым предложением. Позвонили с работы и предложили оформить поездку в виде командировки с частичной оплатой расходов. А вот взамен этого нужно было встретиться с несколькими прежними русскими эмигрантами, каким-то чудом пережившими все безумства двадцатого века и сохранившими, возможно, как оправдание самих себя, свидетельства своей нелегкой эмигрантской жизни. Эти свидетельства, переведенные теперь в разряд архивных документов, захотело вернуть себе государство, прежде стремящееся уничтожить даже их авторов. Вот только адреса и телефоны этих людей нужно было взять у того человека, которым управлял Золотой Дракон. Вы можете с полным правом посмеяться над женскими страхами и авторскими фантазиями и пребывать в состоянии блаженного равнодушия к таким ситуациям, но только до тех пор, пока его глубокая слоистая тень не ляжет на вашу собственную судьбу.

Бороться с обстоятельствами всегда трудно, и женщины стараются их обойти, будто бы двигаются навстречу, а потом неожиданно свернут в какой-нибудь неприметный переулок, надеясь, что не заплутают. Только вот и обратно вернуться им редко удастся. Женщина согласилась на встречу с муж-

чиной, надеясь провести ее в максимально деловом режиме, заранее наметив вопросы для обсуждения. Однако Золотой Дракон только смеялся над такой предусмотрительностью и обрушил на нее лавину информации, подробностей чужой и незнакомой ей жизни, увлекая ее в поток сопереживания и психологического соучастия, которые почти всякая женщина склонна воспринимать как реальность. Ее Луна делала ее чрезвычайно тактичной, всегда готовой на сострадание. Такие люди не только не отступают от своего предназначения, но и помогают другим отыскать их предназначение в жизни. Этим и воспользовался Золотой Дракон.

Он окружил ее иллюзорными фантомами, заплел красивыми словами, опьянил незнакомыми ароматами чужой чувственности, и она оступилась. Ненадолго, лишь на мгновение, но и его было достаточно Золотому Дракону, чтобы заронить в ее душу сомнение. Он не торопился, время – это удел людей, ему же принадлежала вечность, он бессмертен. Ведь это была только первая стадия их вечной любви – узнавание друг друга, спешить не стоило, хотелось насладиться ее непониманием происходящего, пробудившимися сомнениями, зарождающейся чувственностью. Это такая редкость, даже для Золотого Дракона, встретить на своем пути истинную женщину, ведь он видит не всех, а только тех, кого накроет его слоистая тень. Он-то знал, что дальше будет инициация и пробудятся спящие и еще не известные для нее самой мистические способности, позволяющие про-

никать в души других людей с той же легкостью, как лунный луч проходит сквозь легкие занавеси на окнах, никого не тревожа своим проникновением и очаровывая. Нерастроченная сексуальность высветится неожиданно для всех проступившим сквозь холодность и замкнутость внешней оболочки творчеством, и забьют горячие источники ее души, источая энергию опасности и радости. Но для этого этой женщине необходимо сопротивление среды, трение, слишком хороша связь ее Солнца и Юпитера, дающая человеку колоссальный творческий потенциал, о котором он если и догадывается, то редко использует даже вполовину, если, конечно, натальная карта не отражает необходимого напряжения со стороны других планет. А ее карта чиста, улыбнулся Золотой Дракон, а значит, его вмешательство в ее эмоциональную, чувственную жизнь просто необходимо. Зачем женщине личностная целостность, если она не способна этого ощутить, сравнив себя с другими, и прозябает в состоянии, близком к бессознательному. Из смертных лишь астрологи способны понять, что говорят звезды, а ее звезды утверждают, что она редкий человеческий материал, эта истинная женщина, наделенная всеми небесными благами, не видит себя самой, пребывая в постоянных сомнениях. Но он, Золотой Дракон, чья слоистая тень теперь накрыла ее полностью и высветила среди других, поможет ей не из любви к человечеству, а из желания сделать из этого чудесного куса материи живое трепетное создание, наделив его своими, желанными

для него одного качествами, вопреки ее бессмысленному сопротивлению, ее человеческим страхам, он откроет в ней саму себя. И для реализации своих неожиданно возникших планов он избрал мужчину, чье Солнце было в Стрельце, а значит, тот имел вкус к жизни, чего женщина не имела, сильную волю, способную поколебать чужие устоявшиеся представления, выраженную любовь к удовольствиям и страстное желание быть замеченным и любимым. Жизнь для него была сценой, и он играл свою роль замечательно. Он мог добиться расположения любого человека, даже такой нелюдимки, как эта. Правда, мужчина был непостоянен, мог увлечься и уйти, но ему, – Золотому Дракону, что за дело, пусть разбудит эту спящую красавицу, а уж если разбудит, то не уйдет. Так что их оставалось только свести. К тому же у мужчины была та же связь Юпитера с Солнцем, но осложненная оппозицией Сатурна, значит, он не пройдет мимо нее, состав против ограничений, которые женщина постарается наложить на любые их отношения, он сломает эти ограничения и заставит ее открыться и ему, и миру. Что ж, она в долгу не останется и поможет ему в его эмоциональных проблемах, которые он зачем-то тянет за собой аж из самого детства. Им будет что обсудить, такие совпадения нечасты.

– Да этот человек – поэт, – с удовольствием заключил Золотой Дракон, укутывая и мужчину поплотнее слоистой своей тенью, чтобы он, не дай бог, не выскользнул случайно из-под нее.

– Не просто поэт, а своего рода миссионер, он может передавать свои умения другому и даже будет рад такой возможности, что же желать лучшего для задуманного Золотым Драконом предприятия. Да их даже и сводить не придется, они сами идут друг к другу навстречу, просто невероятно, чтобы телепатическая связь столько раз подтвердилась.

Знал Золотой Дракон и то, что звездное кольцо Горгоны режет по живому, разделяя и разлучая людей, и ей нет дела до того, что человек страдает, теряя близких, ведь она, по ее мнению, дарит ему более ценное – духовность и творчество, в котором он может достичь бессмертия. Правда, только в том случае, если он почувствует в себе заклинателя змей, не испугается нахлынувшего и сводящего с ума звучания рифм, найдет свой ритм и начнет писать. Сначала только обороняясь, потом, почувствовав свою власть и силу, становясь бесстрашным. Но он – Золотой Дракон, знающий все это, он поможет, не зря же он выбрал для своего проявления этого человека. Он будет смотреть на нее его глазами, очаровывать его голосом, насыщать его и своей любовью. Она лишена памяти, как и все смертные, о своих прошлых воплощениях и живет точно с завязанными глазами, но даже так, наугад, идет по избранному когда-то пути, и только раз в девять лет он будет приходить к ней в образе этого человека, выправляя совершенные ошибки и выстраивая ее дальнейший путь. Таковы условия, нарушить их он не может. Ей нужно идти самой. Что не осуществит сейчас, осуществит в следующем

воплощении – путь познания долог. Но она женщина, а значит, сможет все. Пусть она не знает, что это только начало и их любовь вечна.

Благословенный Единорог

Только не надо рассказывать мне о Единороге. Конечно, он добрый и нежный, правда, в любое мгновение может пронзить ваше сердце, и вы не успеете даже вдохнуть поглубже, чтобы перейти в мир иной с каплей пьянящего весеннего воздуха и выдохнуть его уже там, в Зазеркалье, везде любят подарки, тем более неожиданные.

Средневековые легенды утверждают, что единорог нелюдим, неутомим в борьбе, но становится абсолютно покорным подле девственницы, а его крик подобен звуку колоколов. Согласно легендам, единорог живет тысячу лет и является благороднейшим из животных. Его сказочный образ как только не трепали в Средние века: он становился атрибутом военачальников, эмблемой воинских частей и знатности рода. Его изображение помещали на медальонах, гравюрах, шпалерах, знаменах и гербах. Но самое примечательное – он всегда присутствовал там, где поэтизировалось рыцарское служение даме, где славили верность и целомудрие. И лучшее тому подтверждение – музей Клюни в Париже, где сохранился целый цикл шпалер, изображающих укрощение Единорога Прекрасной дамой. Более поэтического образа представить себе трудно. Все шесть шпалер «Дамы с Единорогом» объединены общей темой. В удивительном саду стройная молодая женщина с задумчивым взглядом, ли-

цо которой всегда иное, воплощает поэтизированный образ рыцарской мечты о Прекрасной даме. На каждой из шпалер присутствуют единорог и лев, создающие во взаимосвязи с дамой некий образ картины. Считается, что пять из шести гобеленов символизируют человеческие чувства. Первая шпалера показывает отдыхающего единорога – душу, созерцающую духовное, любящий взгляд единорога и смотрящей на него Дамы символизирует Зрение. Другая шпалера – «Музыка сфер»: Лев и Единорог улыбаются, видя, как душа – Дама слушает музыку. Третья шпалера говорит о вкусе, но Дама отказалась от него: она кормит из чаши Грааля Сокола. На четвертой шпалере, «Обоняние», Дама плетет венок из цветов, но венок она плетет не для себя. «Осязание» – пятая шпалера – символизирует прикосновение Дамы к рогу Единорога. Взгляд Дамы суров и тверд, она полна решимости. Наиболее загадочной остается шестая, самая большая из шпалер – «Мое единственное желание», где девушка кладет в ларец свои украшения, что, возможно, символизирует отказ от пагубных страстей. Девиз «Мое единственное желание» написан на шатре, куда Дама сможет войти, отрекшись от материи, олицетворяемой драгоценностями. Жорж Санд видела восемь гобеленов и описала два утраченных. На одном Дама сидела на троне, на другом – ласкала двух белых единорогов. Но мы их уже не увидим. Единорог на всех шпалерах олицетворяет духовное начало.

Именно тогда, в полутемном зале, где старинные гобеле-

ны словно таяли на стенах, обращаясь тем самым в реальность, и оживал их завораживающий воображение темно-розовый фон, сплошь усеянный веточками разнообразных цветов, она впервые узнала Единорога и поняла: это любовь навсегда. И пусть вам не покажется странным, что в то время она ждала ребенка, который обещал стать красивой девочкой, а рядом всегда был другой – очаровательно красивый мальчик, смотрящий на чудесного единорога глазами своей матери.

Поэты воспевали Единорога, алхимики приписывали его рогу лечебные свойства – выявлять яды и посылали на его отлов целые экспедиции, английскому двору Елизаветы I – девственницы рог этого животного стоил десять тысяч фунтов. Для фантазии, согласитесь, дороговато. Но это уже другая история о мудрых правителях, коварных отравителях и дворцовой интриге, а не о любви. Не наша история.

Вы все еще не уверены, что единороги реальны, потому что никогда не встречали их на улице? Что ж, возможно, в своем неотразимом образе они и пребывают в каком-то ином измерении, становясь видимыми нам именно как единороги, при определенном стечении обстоятельств и временном совпадении, в этом вы, надеюсь, не сомневаетесь? Разве не так же обстоит дело с вашим собственным двойником, который всегда вам противоречит и появляется в самые неподходящие моменты, смущая ваш уже устоявшийся покой, начинающий попахивать трясинкой. Вот так и единороги – жи-

вут среди нас, если особенно не приглядываться, обычными людьми, а совпадет время – и они вдруг преобразаются. Живут-то они живут, но к людям относятся настороженно, и не без основания. Люди всегда охотились на единорога из-за его гордости – волшебного сияющего рога, а единороги, защищаясь, не щадили никого, кроме, как вы помните, девственницы, перед которой трепетно преклонялись, объявляя ее своей дамой, тем самым превращая в рабыню своей любви. Возможно, поэтому они научились так правдоподобно походить на людей.

Если снова обратиться к средневековым трактатам, содержащим не только миниатюры этих волшебных существ, но и описание всех их возможных видов, мы узнаем, что единороги бывают восточные и западные. Казалось бы, малость, но единороги восточные рогаты, словно олени, и низкорослы, западные же достигают двух метров в холке, и шерсть у них плотная, снежно-белая, никогда не имеющая разноцветных пятен, хотя летописцы утверждают, что единороги бывают и черными, как, например, Буцефал – «быкоголовый» конь Александра Македонского, пойманный в Египте и прирученный великим полководцем, а поскольку единороги исключительно преданны тем, кого они любят, то Буцефал оберегал своего друга до самого конца, за что последний построил над его могилой город, который и назвал – Буцефалополисом, это современный Джалалпур в Пакистане, вполне, как вы понимаете, реальный город. Черные единороги не имеют тако-

го выраженного рога, в то время как у белого золотой рог достигает полуметра и он смертелен. В некоторых средневековых трактатах можно встретить информацию о крылатых единорогах, которые похожи на пегасов.

Таковыми были единороги, но почему были, они есть и сейчас, хотя к концу восемнадцатого века на всей земле осталось лишь 230 особей, и, чтобы их спасти, люди стали создавать заповедники, вместившие 130 особей, остальные 80 бродили по земле «неприкаянными». К середине девятнадцатого века популяция единорогов немного возросла, но главным образом в Индии: то ли народ там был доверчивей, то ли климат для единорогов лучше. А в Европе, увы, выращивать единорогов в неволе не удалось, так что невозможно определить, сколько «неприкаянных» единорогов сейчас ходит по нашей земле, следит за нами сквозь листву лесных деревьев, прислушиваясь к нашему дыханию на утренней пробежке, вдыхает запах французского парфюма, стараясь найти в этом одуряющем шлейфе чужеродных запахов наш собственный, ни с чем не сливающийся запах нашей юности, которая в нас всегда. Единорог видит и чувствует нас такими, какие мы есть, – вне возраста, вне социального статуса и финансовых возможностей, словно саму нашу душу он видит сквозь стирающуюся от времени плоть. Правда, бессмертная красота души зависит только от нас. Поэтому у кого-то она остается чиста и девственна, а у кого-то – увы. Так что, в сущности, аллегорией является не только Единорог,

но и Девственница, которой он служит. Хотя, вспомните, мы пришли к заключению считать единорога реальностью, с тем и останемся, так хочется немного сказки.

Вы, возможно, замечали, что сказки всегда говорят правду: увидеть Единорога – к удаче, это действительно так, но ведь то увидеть, а вот жить с ним рядом – дело другое. Единорог сам выбирает себе жертву или возлюбленную, как хотите, и верно следует за ней, оберегая от всяких случайностей, которые в жизни женщины совсем не всегда бывают неприятными. Его сияющий рог появляется то тут, то там, отпугивая от нее всех и угрожая скорой расправой. Всякий завидует ее безмятежной жизни, но никто не догадывается, что она заложница его любви, от которой уже не спастись. Из этой ситуации только один выход.

Был ветреный апрельский день, море шумело после ночного дождя и никак не могло собрать своих разметавшихся по холодному песку волн, цепляющихся, точно волосы, то за пустую раковину, в которой притаилась ночь, то за сухое, выбеленное до перламутра дерево, наполняя горькой и прозрачной своей водой следы прошедшего здесь совсем недавно человека и нескромно увидевшего это растрепанное море. Оттого оно и злилось теперь и рвало свои неприбранные после ночного буйства волосы.

А день уже начался, неспешно потихоньку прояснялось небо, стирая со своего лица остатки облаков и становясь повесенному синим и позабыто глубоким. Видя такую красоту,

начало успокаиваться и море, хотя шум его все еще путался в прибрежных соснах, которые раскачивал заблудившийся ветер. Чтобы ему не лететь туда в темно-синюю даль, где рыбацкие лодки застыли на полосе горизонта, нарушая ее первоизданную линейную четкость. Нет, он мает людей, рвет с плеч пальто, заставляет обернуться шарфом, надвинуть пониже на самые глаза кепку. А так хочется уже скинуть все и насладиться солнцем, пить его, точно апельсиновый сок, без всякого этикета через край стакана и чувствовать, как весь твой организм насыщается им до самой последней клетки, где-нибудь на кончике мизинца.

И все же утро было чудесным и радостным, оно обещало исполниться во всех своих проявлениях: в двух трогательных фиалках, пригревшихся возле самого забора, в проталинке беспомощно синих подснежников или в пушистых шапочках раскрывшихся навстречу солнцу одуванчиков, еще не проморгнувших каплю ночной росы. Хотелось петь от счастья, но поскольку петь женщина совсем не умела, то шла легкой танцующей походкой, отражающей ее чудесное настроение этого апрельского дня, обретенного ею у моря и теперь отраженного в ее блуждающей улыбке и в уголках смеющихся глаз. Людей в такой ранний час на побережье не было, должно быть, они попросту не знали, что день так чудесен.

Вам интересно, что это была за женщина? Самая обычная счастливая женщина, каких очень мало мы теперь встреча-

ем на улице, тогда как такими должны быть все. Разве не для того женщина приходит в мир, чтобы быть счастливой и через это делать счастливым окружающий ее мир. Больше о ней сказать было нечего, да и чего же больше!

В тот момент, когда она, поднимаясь по склону от моря к небольшой гостинице, прошла уже треть пути и обернулась назад, чтобы еще раз полюбоваться соснами, точно связанными между собой синей лентой моря, не успела заметить Единорога, вышедшего ей навстречу. Однако через пару мгновений она его заметила, правда, позже, чем он выхватил ее своим взглядом из общей картины весеннего утра, отделил от цветка, от маленького серебристого тополя, росшего возле самой тропинки, по которой она поднималась, и уже тут окончательно сфокусировал свой пронизательный взгляд на женщине. Единороги видят суть. Возможно, оболочка для них что-то и значит, но главное то, что она оберегает, – все не так, как у людей, а потому мы и не понимаем единорогов.

Запечатлев наконец на сетчатке своего глаза весь трепещущий от восторга облик женщины и все уже про себя решив, Единорог двинулся к ней. Женщина, увидев неудержимо стремящегося к ней Единорога, остановилась, стараясь понять, что это и откуда взялось в этой чудесной картине апрельского утра. Заглянув вглубь себя, она неожиданно встретила там со взглядом Единорога, который уже туда проник, и сделала то единственное, что могла сделать, – улыб-

нулась, приветствуя его как давнего знакомого. В ответ Единорог мотнул мощной головой, поймав на кончик рога легкое облачко своего собственного дыхания, и будто бы даже поклонился в знак внимания. Случайная, никем не запланированная встреча состоялась, последующий сценарий был определен.

Признав в женщине Девственницу (не знаю, как это у них, у единорогов, происходит, только девственностью они считают не столько физиологическое состояние, сколько некое состояние женской души, но учитывая, что единороги живут тысячу лет, это как-то объясняется), он приблизился к женщине и доверчиво потерся своей мощной головой о ее плечо, заглянув в ее душу своими печальными глазами, что вызвало в женщине приступ нежности и доверия, что, как вы знаете, смертельно для самой женщины. Смотреть в глаза Единорога – это то же, что долго-долго смотреть на море: сначала ты наслаждаешься им, потом оно пьет тебя, пьет всю, без остатка, и ты навсегда становишься его пленницей. Так и с Единорогом, этим долгим взглядом Единорог овладел ее душой.

– Я помню, как ты вышла из моря, – сказал он ей тихо и печально.

– Я родилась из морской пены? – постаралась пошутить женщина.

Возможно, ей даже льстило, что она родилась подобно Венере. Однако это ли имел в виду Единорог или что-то другое, она, конечно, не знала.

– Нет, конечно. Ты родилась из моей спермы, – произнес он все тем же, без тени улыбки, протяжным грудным голосом, который лишал женщину воли.

– Все женщины так рождаются? – спросила она, еще на что-то надеясь.

– Не знаю, – ответил он равнодушно, точно весь окружающий мир его совсем не интересовал, – но ты родилась именно так. Ты есть Я.

Это был приговор, только она в своем неведении еще не вполне это понимала.

– Но мы же не похожи! – воскликнула женщина, и это восклицание было последним всплеском воли, впрочем, совершенно бесполезным.

– Похожи или не похожи – это ведь не так важно, внешнее несходство – ничто. Запомни главное: ты есть часть меня. Наконец она поняла: она – малая часть его, большого и сильного, и перестала сопротивляться судьбе, которая была к ней благосклонна, потому как не все являются частью чего-то значимого, бывают и совсем одинокие, может быть, потерявшиеся части или даже те, которых вынесла волна совсем не в том месте, где было нужно, и вот так, разделенные, они бредут вдоль берега в поисках себя и не могут найти.

Ее отказ от борьбы означал не только капитуляцию, он означал смерть. Хотя смерть была неизбежна в любом случае.

Среди всех известных средневековым авторам видов еди-

норогов выделяются зеркальные, их еще называют Зеркальными Лигами. Шерсть их настолько плотно прилегает к телу, что создает сплошной слой, где каждый зеркальный волосок становится неотъемлемой частью всего зеркального покрова. Серебряный рог также отражает свет, словно зеркало. Эти единороги – весьма неповоротливые создания, хотя неуклюжими их не назовешь. Размером они с лошадь. Обитают, так же как индийские единороги, в местах с теплым климатом. Они вообще очень любят воду, особенно море. Вот и теперь он спускался к воде, а встретил ее.

– Чего же ты хочешь? – спросила его женщина, преодолевая неожиданно сковавшую ее робость.

– Хочу тебя всю, целиком, безраздельно. Хочу, чтобы ты всегда была рядом и мне не надо было оглядываться назад, убеждаясь в этом. Ты пойдешь за мной? – этот вопрос Единорог произнес тем же голосом, не допускающим возражения и шедшим откуда-то из глубины, то ли сердца, то ли...

Но что может обладать большей глубиной, чем любящее сердце? И женщина кивнула в ответ.

Не торопясь они спустились к воде, где уже успокоенные волны тихо ласкали равнодушный к проявлению их нежности берег. Время от времени женщина наклонялась и поднимала с песка белую раковину, долго смотрела на нее, точно примерялась к ее изгибу, который должен был как-то отозваться в ней, а потом либо равнодушно роняла раковину в море, либо бережно убирала в карман пальто.

– Зачем тебе эти холодные раковины? – спросил Единорог, лаская ее томным взглядом своих всегда печальных глаз.

– Они похожи на обессиленных бабочек, опустившихся на песок, мне их жаль, – по-детски просто ответила она.

– Тогда почему одних ты бросаешь в море, других оставляешь у себя? – поинтересовался Единорог.

– В море я бросаю уже мертвых, там их никто не побеспокоит. В карман кладу уснувших, пусть согреются в тепле, тогда их можно будет отпустить.

Единорог низко опустил голову, чтобы женщина могла его погладить, и та, угадав в этом движении навстречу желание, коснулась рукой небритой его щеки.

– Кто ты? – спросила она неожиданно резко даже для самой себя.

– Ты же знаешь, я Единорог.

– Почему же ты выглядишь как мужчина?

– Это совсем не сложно, – ответил он. – Ты видишь меня таким, каким хочешь увидеть, так же как и я, – мы придумали друг друга.

– А что же другие люди, они как видят нас? – почему-то не унималась женщина, возможно, она просто боялась поверить Единорогу и признать, что они не существуют.

– Не переживай, – постарался успокоить ее Единорог. – Женщины, которую ты видишь в зеркале, нет, она только твоя иллюзия, но ничто не мешает тебе ею любоваться. Дай мне свои руки, я их согрею, они совсем замерзли от воды,

притаившейся в раковинах.

Женщина прикрыла глаза и протянула к нему руки, которые коснулись плотной шелковистой шерсти Единорога, соскользнули на упругую непослушную гриву, едва не запутавшись в ней, и наконец достигли гладкой поверхности неожиданного мощного рога.

– Ты убьешь меня? – почему-то спросила она, не раскрывая глаз.

– Оставаясь собой, ты будешь счастлива, я обожаю тебя. Но если ты попытаешься изменить своей природе, уйти от меня, я должен буду тебя остановить. Прости, но такова уж моя природа. Я Единорог, и я служу Девственнице.

Женщина резко открыла глаза, ее пальцы касались небольшой горбинки на переносице импозантного мужчины, которого она давно знала, теряла из виду и опять обретала неожиданно и остро, словно приступ тяжелой болезни, которым надо было переболеть, прежде чем наступал очередной кризис и вслед за ним одиночество, которое было еще тяжелее и длилось целую вечность, до следующей случайной встречи. Эти странные отношения были бесконечны, прерываясь на годы, и опять возобновлялись все с той же самой непрочитанной страницы, словно кто-то водил их по невидимой спирали, на разных этапах жизни возвращая к одним и тем же испытаниям. Было ли это счастье, они не знали, но знали определенно: это было неизбежно.

– Что делать? – думала теперь женщина, вновь встретив на

своем пути Единорога. – Бежать невозможно, остаться невыносимо, и главное, ты знаешь, что все повторится. Рядом с Единорогом было спокойно и бесконечно мятежно, словно ветер овладел ею, и теперь она мечется, не зная покоя, как только что метались морские волны у берега, там, где стоял уже чуть занесенный песком старый баркас, ожидая, когда о нем вспомнят дети. Они прошли мимо, прикоснувшись к его облупившимся от морской воды бокам, мимо развешенных на ветру рыбацких сетей, которые ловили только редкие солнечные блики, мимо развалившегося за зиму кафе «Робинзон», действительно ставшего похожим на хижину потерпевшего кораблекрушение моряка. Поднимаясь в гору, по дороге среди каменных дубов, они понимали, что назад оборачиваться нельзя.

– Зачем ты всякий раз уходишь от меня? – спросила женщина, не ожидая, впрочем, откровенного ответа.

– Это совершенно не важно, главное, что я возвращаюсь и со мной всегда приходит вдохновение. Разве жизнь без меня ты можешь назвать жизнью?

– Скорее ожиданием встречи, – печально ответила она. – Но жизнь с тобой – предчувствие расставания.

Пояснение: Рог зеркального единорога иногда используют для перемещения в параллельный мир. Совершая магический обряд, рогом чертят на зеркале круг, который становится «дверью» в другой мир. Так же уходит и сам единорог.

Единорог будит в душе нечто неопределенное, зыбкое, ощущение неполноты знания и своей собственной незавершенности, словно это он один властен довести нас до совершенства.

Мы не ведаем, каков есть единорог.

Фантазии среднестатистической женщины

Я самый обычный человек, точнее женщина, но все равно, самая что ни на есть обычная женщина. И как бы мне ни хотелось выглядеть иначе, как-то приукрасить свои возможности, представить себя более эффектно, ничего не получится. Даже моя жизнь – самая обычная жизнь среднестатистической женщины, несмотря на все те старания, которые я прилагала, чтобы хоть чуть-чуть вырваться из этих раз и навсегда заданных статистикой показателей. Сначала я хорошо окончила школу и поступила в университет, но это оказалось вполне обычным делом, только ленивый не учился в то время в университете. Тогда я поставила себе целью поступить в аспирантуру, но и это никого не удивило. Знакомые и родители восприняли мое решение как должное: Понятно, куда же тебе еще, как не в аспирантуру. Я защитила кандидатскую диссертацию, но и это оказалось делом обычным, и, хотя горлышко бутылки все более и более сужалось, в него все равно легко проходило достаточно много людей, делающих мои личные успехи по существующей статистике вполне заурядным явлением. Даже защитив докторскую, я поняла, что так и не вырвалась из раз и навсегда установленных для меня рамок допустимого, оставшись, как и прежде, самой обычной женщиной, только теперь с докторской степе-

нюю, и не более. И тогда я перестала бороться. В самом деле, я не сдавалась достаточно долго, гораздо дольше, чем многие другие, и благодаря этому достигла каких-то жизненных успехов, но всему приходит конец, даже женскому упрямству. Я сдалась:

– Как все – значит, как все. Могло же быть и хуже.

Именно тогда что-то и произошло. Не думаю, что перемены возникли конкретно во мне, но они случились со мной, а значит, ни с кем другим они произойти не могли. Доставило ли осознание этого мне радость, сказать однозначно не могу, но заставило все же понять, что сдалась я рано.

Я замужем, дети мои уже вполне самостоятельны, работа носит творческий характер, и потому я имею достаточно свободного времени, чтобы использовать его так, как считаю наилучшим для себя. И вот в какой-то момент мне захотелось попробовать себя в прозе. Нет, я, конечно, не герой Мольера и всегда знала, что говорю прозой и свои научные статьи тоже пишу в прозе, но писать что-либо художественное никогда прежде не решалась, духу, наверное, на это не хватало. А тут, смирившись со своей посредственностью, решила выплеснуть свои накопившиеся фантазии в рассказах и попробовать жить в них той жизнью, которой мне было не дано жить в действительности.

Вы скажете: «Эка невидаль, почти каждый писатель занят именно этим».

Я соглашусь с вами, только я ведь не писатель, а самая за-

урядная женщина, а такие, как вы, наверное, догадываетесь, могут заниматься чем угодно, даже мечтать о запретном, но писать об этом никогда не будут.

Собственно, фантазиям тоже нужна подпитка, они на пустом месте не произрастают. Как ни странно, но все началось с той серебряной ложки, о которой я написала свой первый и вполне удачный рассказ. В реальности все было достаточно банально: купила серебряную ложечку для маленькой внучки, отнесла в ближайшую ювелирную мастерскую и сделала гравировку на память. Но мне так хотелось чего-нибудь необычного – и я придумала странного ювелира, наделив его теми качествами, которые ювелирам несвойственны, потому что они им просто не нужны. Написала рассказ и забыла о нем думать. А тут вдруг нашла в шкатулке кольцо, которое мне по наследству от тетки перешло. Тетка моя была человеком крупным, я ее фигуры не унаследовала, мелковата, порода не та. Померила кольцо, а оно велико даже на большой палец. Другой, может быть, обратно в шкатулку бы убрал, до следующих поколений, но не я. Есть кольцо – значит, его нужно носить. Это мой принцип, вещи должны служить человеку, иначе они попросту умрут. А кольцо старое, еще времен моей прабабки, ему никак нельзя умереть, вот я и взяла его с собой на работу, с тем чтобы на обратном пути зайти в ювелирную мастерскую. Возвращаясь с работы, я забыла о своем утреннем намерении и вышла из метро на остановку раньше своей, чтобы до дома доехать на маршрутке, прямо

к подъезду, а не идти двадцать минут парком. Выйти-то я вышла и даже до маршрутки дошла, но тут-то и вспомнила про кольцо. Возвращаться в метро не хочется, на улице так замечательно, весна в самом разгаре. И тут вдруг я подумала о той мастерской, которую описала в своем рассказе о серебряной ложке. Мастерскую эту я придумала, но она же вполне могла существовать там, на рынке, где я ее и поместила.

– Не эта, так другая наверняка там есть, – решила я и отправилась на рынок напрямик по тому адресу, который сама же и обозначила. Надо сказать, что я даже и не удивилась, найдя ее там, где ожидала, и в том же непрезентабельном виде. Но когда ко мне из-за крошечного прилавка, совмещенного с дверью, поднялся совершенно лысый человек под два метра ростом, закрыв своим телом весь проем, я потеряла дар речи, присущий мне от рождения.

– Вы что, на меня смотреть сюда пришли? – спросил он нелюбезно и без всяких предисловий, свойственных людям, привыкшим к общению с непонятливыми клиентами. – Так вот я весь здесь, насмотрелись?

Я молчала. Совпадение вымысла и реальности было настолько невероятным, что поверить в это мой мозг отказывался. Но почему, собственно, раз я придумала этого человека, он плод моей фантазии! Пока я так размышляла, «плод моей фантазии» смотрел на меня выжидательно и наконец спросил:

– Все же по какому делу вы ко мне пришли? Может быть,

проясните, или мне надо самому догадаться?

И видя, что мной завладел ступор, он продолжил строить свои предположения самостоятельно.

– Что вам от меня нужно – может быть, ложку гравировать или кольцо заузить? – продолжал он говорить, стараясь вывести меня из состояния транса.

– Кольцо заузить, – наконец-то выбрала я один из предложенных вариантов, второй я осуществила еще в рассказе.

– Слава богу, хоть в себя пришли, а то я думал, может, немая женщина-то. Жаль, знаете ли, красивая и немая. Вам говорили, что вы женщина красивая? Я бы для такой женщины поэму в стихах сочинил и выгравировал бы на какой-нибудь вазе, – неожиданно заключил ювелир свой весьма странный монолог.

Дальше терпеть было невозможно, и я ответила:

– Я, собственно, пришла к вам кольцо заузить, только вот сомневалась, что найду вас здесь.

– Какие могут быть сомнения, – ответил сатурнианец, которым, несомненно, и являлся этот мосластый гигант с крупной, но совершенно лысой головой. – Мы вот уже год, как здесь, и пока переезжать не думаем.

– Может быть, и кольцо мне покажете? – спросил он, не выдержав долгого ожидания, показав, что он человек действия.

Я достала кольцо и протянула ему. Он взял, повернул и так, и эдак и вынес свой вердикт:

– Трогать не надо, пусть остается таким, как есть. Кольцо старинное, сделано на определенный тип пальца, не вашего, конечно, а мы его только испортим своей переделкой.

– Так что же мне делать? – удивилась я не на шутку и получила странный для ювелира ответ:

– А вы его не носите, положите в шкатулочку и оставьте для своих детей, дети ведь обычно бабушек повторяют, вы же, наверное, тоже на бабушку похожи?

– Это определенно его не касалось, и что это за ювелир, который дает столь странные советы, да и ювелир ли он, в самом-то деле? – задавалась я вопросом, возвращаясь уже к себе домой.

Но поразмыслив хорошенько, кольцо вернула обратно в шкатулку и на том успокоилась. Может быть, действительно, прав сатурнианец, и кольцо не мое, не на ногу же его носить.

Хотя совпадение реальности и вымысла на некоторое время меня серьезно озадачило, я довольно легко нашла объяснение всему, решив, что в рассказе описала человека, которого прежде где-то видела, а потом просто забыла и возродила к жизни уже как плод своей собственной фантазии. Эти доводы меня вполне устроили, и я успокоилась.

Все мы люди образованные, а потому хорошо знаем, как опасна магия Вуду с ее ритуалами втыкания иголок в восковую куклу с намерением передать ей свои желания и мысли. Разумеется, никто из нас до этого не снизойдет, и все же наши желания порой имеют магический результат, особенно

когда они искренни и сильны. Убедиться в этом помог мне, как всегда, случай.

Я хотела видеть человека, который вовсе не хотел видеть меня, хотела услышать от него слова, которых он не знал, а может быть, я ждала того, кого не было в реальности, все придумав в своем богатом воображении, – так бывает с обычными женщинами. Именно поэтому женские романы выходят сумасшедшими тиражами и все же не могут насытить аудиторию неудовлетворенных жизненными реалиями лиц женского пола. Вконец измучившись, я отдала свои фантазии не листу бумаги, а в соответствии с требованиями времени – компьютеру, выудив из своего воображения сцену встречи и составив небольшой рассказ на пару страниц. Обычно такой метод вполне действенен: рассказал – и забыл думать. Каково же было мое удивление, когда через несколько дней в доме раздался звонок и на мое настороженное «алло», прозвучавшее скорее как тревожное ауканье в дремучем лесу, я услышала невероятное:

– Здравствуй, любимая!

Конечно, это могла быть ошибка, сбой в информационной системе Земли, несовпадение двух реальностей – все что угодно, но это было то, что я хотела услышать и что сама же придумала. Подсознательно я понимала, что что-то не так, но вся моя женская сущность возопила: «Не смей копать, просто будь счастливой!» И я была счастлива.

Время шло, но, словно медленная река, обходило наш

маленький островок, застыв только на нем в той стадии неожиданного возвращения утраченного чувства. Создавалось впечатление, что мне самой надо двигать стрелки на его тягучих, точно густой соляной настой, часах, иначе они просто не сдвинутся с места. Получалось так, что моя жизнь, так же как жизнь всех окружающих людей, идет в соответствии с обычным человеческим временем, а чувства живут совсем по другим часам, тем, которые действуют только для нас двоих и требуют своего автономного подзавода. Я не столько поняла это, сколько почувствовала, и оттого родился фантастический образ Единорога, после чего стрелки на наших чудесных часах немного сдвинулись и поползли по циферблату не ровно, отмеряя размер каждой последующей минуты, всегда равной предшествующей, а с некоторым ускорением. Они точно спешили, стараясь наверстать упущенное, а я написала «Благословенного Единорога». Теперь мы словно вступили в сговор со своим внутренним временем, и оно нам с радостью ответило. Рядом со мной теперь был Единорог – нежный и жестокий, благородный и безумный, защищающий и разрушающий меня, и эта наша реальность была уже единственно возможной. «Единорог будит в душе нечто неопределенное, зыбкое, не реализованное прежде... Мы не ведаем, каков он есть, этот Единорог». Но наши часы шли, а это было самое главное.

Уже понимая, что между моими рассказами, отданными компьютеру как некая ритуальная жертва, и пробуждающей-

ся реальностью есть связь, я стала писать осторожно, стараясь не вызвать ненужной для меня реакции, разрушающей зыбкую еще нашу реальность. Стало постепенно ясно, что наша жизнь берет начало из одного источника, разветвляясь на время на два русла и опять собираясь в одно. Почему так и всегда ли бывает так, я не знала и знать не хотела, но понимание того, что мы соединимся в одно, перед тем как пасть в бездну, примиряло с этой неизбежностью. Да и когда это произойдет, ведь наши часы сами текли подобно времени у других людей и требовали завода от двух наших душ одновременно. Странная наша жизнь в словах превращалась в жизнь в действиях и поступках, оставаясь для окружающих в рамках среднестатистической.

Но человек не щепка, подхваченная потоком, он всегда стремится управлять, памятуя, возможно, что он есть малая частица творца, а потому сам может творить. Я написала рассказ «Кризис», и посреди ясного неба полыхнула сухая зарница разрыва, без всякого очевидного повода, но по заданному сценарию проходя зигзагообразной полосой через нашу ставшую уже единой судьбу. Что спасло от банального слова «конец», который всегда ставят в заключение всякой сказки? Должно быть, вера в чудо, а может быть, само это чудо. И стремясь спрятать свое счастье, запереть его в себе и не потерять, я написала «Китайский костяной шар», понимая, что из этой головоломки ни мне, ни ему уже не выбраться. Мы так тесно теперь были связаны веждо собой, так

переплелись, что стало невозможно ни понять, ни ощутить, кто внутри кого находится.

Собственно, что еще можно добавить к сказанному? Разве то, что мы еще живы и сами продолжаем писать сценарий своей собственной судьбы. Поверьте, в этом тоже нет ничего необычного, потому что каждый из вас, так же как и я, сочиняет свой собственный сценарий, часто не задумываясь о том, что он обязательно реализуется на практике. А оттого и швыряет нас по жизни из стороны в сторону, и приходят ранее запрограммированные беды, и сыплются ожидаемые несчастья на нашу голову, и идет полоса за полосой, точно зебра, нами же вспаханная и засеянная наша жизнь. А может быть, остановиться, переждать немного и уже дальше придумывать все как надо? И совсем не важно, что при этом для окружающих мы останемся самыми обычными, среднестатистическими людьми или даже, не побоюсь этого признания, среднестатистической женщиной.

Чай для двоих, или Космическая перспектива

Точно две кометы, несущиеся на космических скоростях, они то приближались, грозя друг другу неминуемой гибелью, но каким-то чудом удерживаясь от столкновения, неслись рядом, то исчезали в вечности, теряя друг друга, чтобы неизвестно, когда опять встретиться. И так за кругом круг. Но у вечности нет времени, и это спасает от разочарований. Хранит ли память прежние наши встречи, никто не знает, но зачем-то же приводит нас к тем, кто кажется понятным и близким, ставит в такие порой абсурдные ситуации, из которых есть только один выход. И как бы мы ни сопротивлялись, как бы ни боролись с обстоятельствами или самими собой, но приходится принять условия, а иначе все будет повторяться вновь и вновь, и две кометы, несущиеся навстречу друг другу, когда-нибудь неминуемо столкнутся.

Сколько времени они были знакомы? Казалось, целую вечность. Время от времени случайно где-то встречаясь: на конференциях, в коридорах учреждений, на улице, они неожиданно узнавали друг друга или открывали заново – так давно утраченный или отвергнутый сюжет вдруг вытесняет все прочие и становится центральным.

– Извините, я понимаю, еще слишком рано для визитов, но я так замерз под утро, наверное, кондиционер неисправ-

вен, нет ли у вас случайно чаю, согреться? Я видел вчера мельком в вашем номере электрический чайник... – всю эту тираду произнес мужчина из-за двери гостиничного номера, шаркая туфлями по керамической плитке и извиняясь за беспокойство. Было 4.30 утра, в коридоре горел приглушенный электрический свет, за окнами совершенно темно.

– Консьерж еще спит, ресторан не работает, бойлер дает только холодную воду, б-р-р-р... А я совершенно продрог в этом номере, и ужасно хочется чаю, – продолжил он разговор с дверью, то ли заклиная ее, то ли ища у нее же сочувствия. Однако, как это ни показалось бы странным со стороны, дверь открылась, за ней стояла совершенно одетая женщина, готовая к утренней прогулке.

– Заходите, – спокойно и без удивления пригласила она стучавшего, – я сама проснулась от холода и решила заварить чай, чтобы согреться, так что вы совершенно вовремя, я сейчас налью.

Мужчина опустился в казенное гостиничное кресло усредненного размера и комфортности, не вполне понимая, удивляться ему этой ситуации или же радоваться, но, придя к заключению, что он сам ее создал, принял как данность. Тем временем женщина заварила и разлила чай.

– Извините, без подстаканника, – сказала она, передавая ему стакан с горячим напитком, обжигающим руки, – по-походному.

Он осторожно взял стакан, даже радуясь, что тот ожег ему

пальцы, и, приложив горячую, непривычно сухую поверхность стекла к губам, сделал первый глоток. Пряный, горьковатый вкус дымящегося чая был необычен, но приятен. Что-то неузнаваемое и в то же время знакомое чувствовалось в нем, точно пробуждалась спящая память. Нет, не та, которой управляет мозг, а та, другая – память сердца.

– Что это? – спросил мужчина после нескольких долгих глотков, отстраняя стакан.

– Любовный напиток, не узнали? – улыбаясь, ответила женщина. – А как вы думали, беспокоить малознакомую женщину в четыре утра? Это время колдовское, лисье, если помните Афанасьева, а вы в гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.